

# Александр Иванович ВОЛОДИН

## О НАЧАЛЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ \*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

### ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Памяти академика В. П. Волгина

М.: НАУКА. 1964. С.320-370

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи.

Обращение к вопросу о начале социалистической мысли в России представляется на первый взгляд совершенно неоправданным. Конечно, у разных авторов можно обнаружить различную его трактовку<sup>1</sup>, но все же вряд ли кто возьмется оспаривать наличие основной тенденции, определяющей характер освещения данного вопроса в русской историографии. Начало истории социалистической мысли в России давняя научная традиция, развивавшаяся авторами как народнического, так и буржуазно-либерального направлений, относится к 30-м годам XIX в. и связывает с деятельностью университетского кружка Герцена. Первый русский социалистический кружок — так называл его Н. С. Русанов<sup>2</sup>. «Бесспорный родоначальник» социализма в России — писал о Герцене 30-х годов П. Н. Сакулин<sup>3</sup>. И хотя специальному исследованию проблема возникновения русской социалистической мысли в марксистской науке не подвергалась<sup>4</sup>, большинство советских ученых — историков, философов и литературоведов — следуют этой традиции «Первыми проповедниками идей социализма у нас надо считать

\* Из подготавливаемой книги

<sup>1</sup> Некоторые исследователи, ссылающиеся, в частности, на слова Герцена и Огарева о Пестеле как «социалисте прежде социализма» (см., например, Г. А. Габов *Общественно-политические и философские взгляды декабристов*, М., 1954, стр. 69) считают родоначальником русской социалистической мысли П. Пестеля. У других авторов ее начало отнесено к 40-м годам XIX в. (см., например, Н. А. Рожков *Лекции по истории социализма*, Пг., 1919, стр. 72).

<sup>2</sup> Н. С. Русанов *Влияние европейского социализма на декабристов и молодого Герцена «Минувшие годы»*, 1908, № 12, стр. 190.

<sup>3</sup> П. Н. Сакулин *Русская литература и социализм*, ч. I, М., 1924, стр. 106.

<sup>4</sup> Иными словами об этом говорилось еще в середине 30-х годов «Вопрос о сенсимонизме в России — совершенно не разработанная тема» (Л. Пипер *«Мировоззрение Герцена»*, М.—Л., 1935, стр. 30). С тех пор в этом отношении мало что изменилось.

Герцена, Огарева и их ближайших товарищей», — таково авторитетное мнение В. П. Волгина<sup>5</sup>.

Но является ли простое признание того факта, что Герцен и Огарев первыми «привили» социализм русской мысли, решением вопроса? Удалась ли «прививка»? Действительно ли с деятельности кружка Герцена началась в России социалистическая мысль? И если да, где причины укоренения в русской мысли того времени зерен социализма? Иначе говоря, указание на Герцена и Огарева как на первых русских социалистов еще вовсе не означает научного ответа на не такой уж простой вопрос: почему в России 30-х годов — стране, весьма отсталой в социально-экономическом отношении, — появляются приверженцы и пропагандисты самой передовой общественной теории, совершенно не отвечавшей непосредственным задачам национального развития?

И вот ведь что показательно в дворянско-буржуазной историографии фразы о Герцене как первом стороннике социализма в России, первом русском сенсимонисте вполне уживаются с суждениями, по существу их отрицающими: ничего социалистического в «социализме» Герцена 30-х годов не было, обращение немногих русских юношей к сенсимонизму в 30-е годы XIX в. не было продиктовано какими-либо социальными потребностями, объективными условиями. Указывая на «отвлеченный и даже книжный характер» социалистической мысли в России 30—40-х годов, многие дореволюционные авторы рассматривали ее обычно лишь как невинное, благородное «увлечение», «пустое мечтание» маленькой группы русских интеллигентов-романтиков<sup>6</sup>, лишь как продукт «чувства» — барского сострадания и симпатии к народу<sup>7</sup>, принимавшего — в трактовке некоторых истолкователей «вечного в русской философии» — даже форму религиозных исканий<sup>8</sup>.

<sup>5</sup> В. П. Волгин *Социализм Герцена*, В сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 46.

<sup>6</sup> Еще в 70-х годах XIX в. А. Н. Пыпин, говоря о социалистической мысли в России 30—40-х годов, писал: «Весь тогдашний «социализм», какой и был, конечно был не больше как одним из тех идеальных увлечений, которые в особенности развиваются в известные периоды, как необходимая потребность наполнить пустоту и бедность общественной жизни, и в этом смысле совершенно законны. Что наш так называемый «социализм», будучи невинен логически, как чисто идеалистическая вещь, был столько же невинен и в практически гражданском отношении, — об этом странно говорить, потому что он никогда не выходил из области мечтаний» (А. Н. Пыпин *Исторические очерки. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов*, СПб., 1873, стр. 442). См. также П. В. Анненков *Идеалисты 30-х годов*, В кн. П. В. Анненков и его друзья, СПб., 1892, стр. 5—6, А. Скабичевский *Три человека сороковых годов*, В кн. *Соч.*, т. I, 1895, стр. 534, П. И. Капнист *Соч.*, т. II, М., 1901, стр. 373, и др.)

<sup>7</sup> Д. Н. Овсянко *Куликовский А. И. Герцен. Характеристика*, СПб., 1908, стр. 22, М. Гершензон *История молодой России*, М.—Пг., 1923.

<sup>8</sup> «Именно с религиозно-патетической стороны и был воспринят сенси-

Авторы, отрицающие социалистический характер мировоззрения Герцена 30-х годов, обычно не отказывались признать влияние на него сенсимонизма. Как правило, они указывали прежде всего — и часто этим и ограничивались<sup>9</sup> — на две идеи, которые, якобы по словам самого Герцена, и были восприняты им из сенсимонизма: освобождение женщины и реабилитация плоти<sup>10</sup>.

Правда, уже дореволюционные буржуазные исследователи отмечали и другие аспекты влияния идей Сен-Симона на Герцена и указывали на неправильность сведения всего сенсимонистского багажа в его мировоззрении к этим двум идеям. В. Семевский, например, писал: «Мы не знаем, в какой степени были известны тогда Герцену и Огареву все стороны учения сенсимонистов, но несомненно, что оно было знакомо им полнее, чем можно было бы заключить на основании упомянутого выше свидетельства «Былого и дум»<sup>11</sup>.

Хотя некоторые советские авторы, особенно в 30-х годах, и сводили всю проблему «Герцен и сенсимонизм» к вопросу о влиянии на Герцена все тех же двух идей — освобождения женщины и реабилитации плоти<sup>12</sup>, в целом марксистское монизм в герценовском кружке...» (Г. Флоровский. Искания молодого Герцена. «Современные записки», 1929, XXXIX, стр. 289—290).

<sup>9</sup> См. Н. С. Русанов. Указ. соч., стр. 188; В. Богучарский. А. И. Герцен. СПб., 1912, стр. 31; и др.

<sup>10</sup> В «Былом и дум» Герцен писал о сенсимонистах: «Они возвестили новую веру, им было что сказать и было во имя чего позвать перед свой суд старый порядок вещей, хотевший их судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религии.

С одной стороны, освобождение женщины, призвание ее на общий труд, отдавание ее судеб в ее руки, союз с нею как равным.

С другой — оправдание, искупление плоти, *réhabilitation de la chair*, реабилитация плоти!

Беликие слова, заключающие в себе целый мир новых отношений между людьми, — мир здоровья, мир духа, мир красоты, мир естественно нравственный и потому нравственно чистый».

Далее, указав на содержание и значение этих идей, Герцен продолжал: «Новый мир толкался в дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сенсимонизм лег в основу наших убеждений и неизменно остался в существенном» (А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. 8, стр. 161—162. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте).

Разве следует из этих слов Герцена, что именно указанные две идеи сенсимонизма — освобождение женщины и реабилитации плоти — и привлекли прежде всего его внимание в начале 30-х годов? Ведь он отмечает наиболее яркие идеи школы Анфантена. Тем не менее такие выводы постоянно делались.

<sup>11</sup> В. Семевский. Сенсимонисты и фуриеристы в России в царствование императора Наполеона I. «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV. М., 1914, стр. 346; ср. В. Ивановский. А. И. Герцен как социалист. «Образование», 1907, № 1, стр. 52; Л. Я. Гинзбург («Былое и думы» Герцена. Л., 1957, стр. 17) ошибается, приписывая В. Семевскому мнение, против которого он спорит в только что приведенной цитате.

<sup>12</sup> См. Б. П. Козьмин. Из литературного наследия Н. И. Сазонова. «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 180; Л. Пипер: «непосредственно сенсимонизм влиял на Герцена другой своей стороной, относительно второсте-

герценоведение прочно установило, что комплекс идей, воспринятых Герценом (и Огаревым) из сенсимонизма, был куда более богатым. Среди них отмечались: идея общественной закономерности, мысль о великой роли науки в обществе, положение о методе научного исследования и т. д.<sup>13</sup>

Но сколь бы большим ни был перечень положений, которыми повлиял на Герцена сенсимонизм, это все еще не дает решения вопроса о зарождении социалистической мысли в России. Ибо, если верно, что приобщение к идеям освобождения женщины и реабилитации плоти, хотя они и выдвигались социалистами, еще не есть социализм, то верно также и то, что социализма не представляет и простая совокупность других, хотя бы только что перечисленных идей, взятых Герценом из сенсимонизма, но вовсе не являющихся специфически социалистическими.

### По какому же пути пойти?

Некоторые историки-марксисты, полемизируя с утверждением буржуазной науки об отсутствии в России объективных условий для появления социалистической мысли, противопоставляли ему следующий тезис: рост русской экономики в 30—40-е годы, усиление буржуазии, подъем крестьянского движения — вот что составляет реальную основу возникновения в русской общественной мысли того времени идей социализма. Так, В. М. Фриче, например, полагал, что фактором, определившим возникновение и рост социалистической идеологии в России первой половины XIX в., являлся рост русской буржуазии<sup>14</sup>.

Несмотря на кажущуюся привлекательность, такой подход оказывается все же совершенно несостоятельным. Даже если закрыть глаза на имеющее место в данном случае заведомое преувеличение в оценке степени зрелости капиталистических тенденций в русской экономике или мощи крестьянского движения, все-таки остается непонятным, как непосредственно этими, главным образом, экономическими факторами, можно объяснить, например, герценовское увлечение сенсимонизмом еще на студенческой скамье.

пенной — своим решением женского вопроса» (Указ. соч., стр. 33); И. Нович. Духовная драма Герцена. М., 1937, стр. 103.

<sup>13</sup> См. Д. Чесноков. Мировоззрение Герцена. М., 1948; М. В. Яковлев. Мировоззрение Н. П. Огарева. М., 1956.

<sup>14</sup> В. Фриче. Русский социализм в художественной литературе. «Печать и революция», кн. 2, 1923, стр. 63—68. Аналогичной методологии придерживались и некоторые другие авторы, в частности Н. Рожков (см. Указ. соч.) и Л. Пипер. Последний писал: «...Идейная атмосфера, в которой у Герцена возник интерес к сенсимонизму, была связана с явно буржуазными тенденциями русских последователей этого учения» (Указ. соч., стр. 33; см. также стр. 30—32, 48—50).

Отсутствие в марксистской историографии ясного и аргументированного ответа на вопрос о реальной основе появления и развития социалистических идей в России получило довольно характерное отражение в недавно вышедшей книге В. А. Малинина и М. И. Сидорова «Предшественники научного социализма в России». Эти авторы говорят о Герцене и Огареве, Белинском и Милютине как о первых русских социалистах, однако начало социалистической традиции в русской общественной мысли они связывают не с их творчеством, а с деятельностью петрашевцев. До них социализм в России не был «составной частью идеологии освободительного движения». Герцен же, наряду с другими, оказывается лишь в числе тех, кто всего-навсего распространял, пропагандировал западноевропейский социализм<sup>15</sup>... Читателю остается только догадываться, какую же роль сыграли в русской мысли социалистические увлечения Герцена, да и были ли они социалистическими.

Между тем ключ к правильному решению вопроса был найден уже давно. И нашел его сам Герцен. В работах 50—60-х годов он неоднократно, настойчиво, почти навязчиво развивал одну и ту же мысль: *социализм в России привился как реакция на разочарование в идеологии западноевропейского буржуазного либерализма после и в связи с июльской революцией 1830 г. и польским восстанием 1830—1831 гг.*

«Время, следовавшее за усмирением польского восстания, быстро воспитывало,— писал Герцен в «Былом и думах». — Мы начали с внутренним ужасом разглядывать, что и в Европе, и особенно во Франции, откуда ждали пароль политический и лозунг, дела идут неладно, теории наши становились нам подозрительны.

Детский либерализм 1826 г., сложившийся мало-помалу в то французское воззрение, которое проповедовали Лафайеты и Бенжамен Констан, пел Беранже, терял для нас, после гибели Польши, свою чарующую силу».

И далее: «Вера в беранжеровскую *застольную* революцию была потрясена, но мы искали чего-то другого, чего не могли найти ни в несторовской летописи, ни в трансцендентальном идеализме Шеллинга.

Середь этого брожения, середь догадок, усилий понять сомнения, пугавшие нас, попались в наши руки сенсимонистские брошюры, их проповеди, их процесс<sup>16</sup>. Они поразили нас» (8, 161—162).

Если признать эти слова Герцена правильными, тогда вопрос о «корнях» и истоках социализма Герцена 30-х годов

<sup>15</sup> См. В. А. Малинин, М. И. Сидоров. Предшественники научного социализма в России. М., 1963, стр. 39—72, особенно стр. 68.

<sup>16</sup> Герцен имел в виду издания сенсимонистов: «Проповеди» («Prédications», t. I—II, Paris, 1830—1832) и «Процесс» («Procès de la cour d'Assises de la Seine les 27 et 28 août 1832». Paris, 1832).

можно считать в общем снятым: ибо, что такое вообще социализм как не антилиберальная, антибуржуазная идея, требующая при этом не возвращения к старым, феодальным или дофеодальным порядкам, а установления нового, бесклассового общества, характеризующегося не формальным только, но фактическим, полным, социальным равенством?! Не есть ли эта антибуржуазность, провозглашаемая с точки зрения идеала бесклассового будущего, самая общая, но и самая характерная черта всякой социалистической идеологии?!

Так подходил к социализму Герцен. Так он объяснял свое обращение к сенсимонизму. Так, вслед за ним, пытались осветить вопрос о начале социалистической мысли в России и некоторые другие авторы: «...Первый в России имел смелость перейти «от либерализма к социализму»... именно Герцен»,— писал еще в 1907 г. В. Ивановский<sup>17</sup>.

Но был ли прав Герцен? Можно ли ему просто поверить в данном случае? Можно ли ограничиться простым согласием с ним?

Нет, нельзя здесь верить Герцену на слово,— от имени современной буржуазной историографии отвечает профессор М. Малиа, специально занимавшийся проблемой «Герцен и социализм». Приведенные высказывания Герцена есть всего-навсего проекция в прошлое его представления (о противоположности социализма и либерализма), сложившегося лишь накануне революции 1848 г. В действительности же в «социализме» Герцена 30-х годов никакого социализма не было. Увлечение сенсимонизмом, удовлетворявшее его «жажду новизны», выражало лишь растущую неугомонность русской «левой». Имело место простое хронологическое совпадение этой тяги к новому с появлением новой доктрины в Европе. Критика Герцена 30-х годов по адресу политического либерализма имела не социальный, а этический смысл<sup>18</sup>.

Вообще говоря, всякий исследователь-историк вправе поставить под сомнение любые свидетельства любого, даже самого честного мемуариста, тем более, если они касаются его самого. В воспоминаниях всегда возможна ошибка, переоценка событий в ту или иную сторону. Это одна из аксиом науки, что ни об эпохе, ни об отдельном человеке не следует судить по их представлениям о себе. «История учит нас, что даже крупнейшие из дея-

<sup>17</sup> В. Ивановский. Указ. соч., стр. 47.

<sup>18</sup> M. Malia. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism 1812—1855, 1961. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, p. 101—102, 125, 127, 131. Весьма характерно, что говоря о социализме Герцена 30-х годов, М. Малиа, как и А. Н. Пыпин, берет слово «социализм» в кавычки. Подобным образом поступает в отношении социализма Белинского другой американский автор — Боуман (см. Н. Е. Bowman. V. Belinski. 1948, pp. 146—147).

телей не всегда правильно понимают свою историческую роль и не всегда правильно характеризуют самих себя»<sup>19</sup>. Поэтому никто не вправе запретить любому исследователю сомневаться в данном свидетельстве Герцена.

Но не означает ли это, что перед тем, кто заинтересован в установлении правоты (или неправоты) Герцена, выступает необходимость тщательного «допроса» исторических фактов 30-х годов XIX в.: оправдывают ли, подтверждают ли они утверждение Герцена?

Однако здесь обнаруживается, что сделать это не так-то легко. «Тридцатые годы в истории русского общественного движения — время глубинной внутренней подготовки к последующему подъему, но не очень богато выявленное в документах и событиях», — пишет академик М. В. Нечкина<sup>20</sup>. И эти-то незначительные документы и события оказываются к тому же очень слабо изученными. Не исследованы общие черты духовной жизни русского общества того времени. Не выявлено то сложное воздействие, которое оказало на различные группы русской интеллигенции центральное событие европейской истории тех лет — июльская революция 1830 г. во Франции<sup>21</sup>. Не собраны отзывы русской прессы на социалистическое движение в Западной Европе. Совершенно недостаточно изучены материалы, в том числе и архивные, характеризующие мировоззрение членов герценовского студенческого кружка<sup>22</sup>. Наконец, при обращении к начальному периоду творчества Герцена и Огарева исследователи основное внимание уделяли главным образом эстетическому, литературно-художественному аспекту их произведений<sup>23</sup>;

<sup>19</sup> В. Воровский. Был ли Герцен социалистом? В кн.: Литературно-критические статьи. М., 1956, стр. 379.

<sup>20</sup> М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., 1955, стр. 444.

<sup>21</sup> «Советскими исследователями пока только намечен путь изучения вопроса об отношении русского общества к французской революции 1830 г.» (О. В. Орлик. Русские — участники и очевидцы французской революции 1830 г. «История СССР», 1964, № 1, стр. 136).

<sup>22</sup> Так, например, громадный фонд Н. М. и Е. А. Сатиных (818 единиц; описан в книге «Герцен, Огарев и их окружение». М., 1940, стр. 287—326), содержащий ценнейшие материалы, почти не затронут вниманием исследователей.

<sup>23</sup> Следует сказать, что вообще начальному периоду творчества Герцена посвящена довольно значительная литература. Из работ, созданных в дореволюционные годы, надо упомянуть статьи Е. С. Некрасовой («Юношеские литературные труды Герцена», «Северный вестник», 1895, кн IX) и Н. К. Козмина («Из истории русской литературы 30-х годов. Н. А. Полевой и А. И. Герцен» СПб., 1902).

В 30-х годах появились не потерявшие своей ценности и сейчас работы Л. В. Крестовой («Источники «Легенды о св. Феодоре» А. И. Герцена». В сб.: «Памяти П. Н. Сакулина» М., 1931; «Портрет Гёте под пером молодого Герцена», «Звенья», сб. 2. М.—Л., 1933), а также статья И. Г. Пехтелева («Литературные взгляды молодого А. И. Герцена» «Литературные беседы», вып. 2. Саратов, 1930). Целый ряд исследований опубликован уже во второй

работы же, в которых рассматриваются социально-политические взгляды молодых Герцена и Огарева, крайне немногочисленны<sup>24</sup>.

И все-таки не ограниченность и не малоизученность фактического материала являются главными факторами, препятствующими верному освещению данной проблемы. Корень зла содержится в неверной методологической установке — в стремлении во что бы то ни стало объяснить появление идей социализма на русской почве исключительно русскими условиями, данными национальной жизни: ростом русской буржуазии, подъемом крестьянского движения или чем-либо подобным. Возникнув как естественная реакция на типичную для дворянско-буржуазной дореволюционной историографии традицию объяснить всю духовную жизнь в России западными влияниями, такая методологическая установка не может похвастать подлинной диалектикой: волей-неволей она отрывает русскую общественную мысль от мирового революционного процесса, уводит ее с магистрали мировой социальной науки. Ведь только в том случае, если подходить к истории общества как к истории классовой борьбы прежде всего, если социальное рассматривать как нечто более глубокое и важное по сравнению с национальным, если, таким образом, видеть обусловленность истории каждого народа процессом взаимодействия наций (особенно с развитием капитализма), если видеть относительную самостоятельность в развитии идей, если допускать, что одни народы могут (и должны) учиться на опыте других, — только в этом случае тот факт, что в России 30-х годов, где можно говорить лишь о зародышах капиталистического развития, отдельные мыслители становятся приверженцами социализма — теоретической системы, направленной на отрицание строя капитализма, — этот факт перестает казаться курьезным, парадоксальным.

половине 50-х годов: А. Л. Дымшиц. Вопросы романтизма в литературной деятельности молодого Герцена. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 120, 1955; Е. Кирпичева. К вопросу о проблематике произведений Герцена 30-х годов. «Уч. зап. Коломенского пед. ин-та», т. III, 1958; Н. Н. Золотова. Ранние литературные опыты А. И. Герцена. «День был душный...», «Первая встреча». «Уч. зап. Новгородского пед. ин-та», т. III, 1958; Г. Н. Гай. Роман и повесть А. И. Герцена 1830—1840 гг. М., 1960. См. также D. Lokys. Alexander Herzen in den dreissiger Jahren — «Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik», № 8, Berlin, 1956. О творчестве юного Огарева см.: М. И. Эстрина. Раннее творчество Н. П. Огарева. «Уч. зап. Выборгского гос. пед. ин-та», 1957.

<sup>24</sup> С. А. Переселенков. Огарев и декабристы. В сб.: «Декабристы. Неизданные материалы и статьи», под ред. Б. Л. Модзалевского. М., 1925; Н. Н. Степанов. Исторические взгляды А. И. Герцена в тридцатых годах XIX в. В сб.: «Творчество А. И. Герцена». Л., 1963; Н. В. Минаева. Ранний утопический социализм Н. П. Огарева. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», № 187, 1962.

Ключ к правильному ответу на рассматриваемый вопрос лежит, таким образом, в весьма противоречивом отношении между русской и европейской жизнью того времени, в проблеме взаимоотношения форм общественного сознания с действительностью (с учетом возможного противоречия «между национальным сознанием и практикой других наций, т. е. между национальным и всеобщим сознанием той или другой нации»<sup>25</sup>).

В целом европейская действительность 30—40-х годов вполне созрела для того, чтобы породить идеи социализма, которые возникли как «симптом, выразитель, предвестник» рабочего класса<sup>26</sup>. «Во всех странах был такой период, когда рабочее движение и социализм существовали отдельно друг от друга и шли особой дорогой...»<sup>27</sup>. В России же (и, конечно, не только в России) получилось так, что идеи социализма появились раньше рабочего движения, и в этом нет ничего странного, ничего исключительного. Жизнь народов не протекает изолированно. Передовые (да и не только передовые) мыслители той или иной нации в поисках ответа на вопросы, поставленные перед ними опытом их страны, вполне естественно обращаются к опыту других народов, запечатленному в обобщенном виде в научных теориях. Так случилось и в России 30—40-х годов. Выдающиеся русские мыслители этого времени восприняли с Запада новый общественный идеал — идеал социализма, а то, почему они выбрали его, объясняется всей совокупностью условий русской и европейской жизни того времени. В центре этих исторических событий — два явления революционного характера: восстание декабристов 1825 г. и июльская революция 1830 г. Обращение русской общественной мысли 30-х годов XIX в. в лице Герцена и Огарева к социализму было выражением коренных сдвигов в отечественной идейной жизни последекабристского периода.

Характеристике общего смысла и направления этих сдвигов и посвящена настоящая статья, рассматриваемая автором лишь как приступ к теме.

### «Впуганная в раздумье»

В силу каких причин два молодых дворянина стали пионерами русской социалистической мысли? Ответ на этот вопрос может быть дан лишь тогда, когда удастся хотя бы в общих чертах представить противоречивое содержание насущных потребностей освободительного движения в России рассматриваемого периода. Исходным пунктом здесь является понимание того, что обращение Герцена и его друзей к социализму

произошло в условиях, когда русская освободительная, антифеодальная мысль переживала глубокий кризис.

В свое время, после Крестьянской войны 1774—1775 гг., в подобный кризис, хотя и на краткий срок, впало русское Просвещение XVIII в.: под влиянием «ужасов» пугачевского восстания отошли от политики ранее оппозиционно настроенные дворяне, некоторые бывшие «вольтерьянцы» погрязли в мистицизме, прекратил свою писательскую деятельность А. Н. Радищев... Теперь, в иной обстановке и в другое время, русская освободительная идеология вновь переживала период упадка.

Поражение декабристов и зверская расправа, учиненная над ними, означали в сущности уничтожение единственной реальной силы, которая была способна бороться с самодержавным деспотизмом и крепостническими порядками. В стране по существу была ликвидирована всякая оппозиция существующему строю. «Первые годы, последовавшие за 1825, были ужасны. Понадобилось не менее десятка лет, чтобы человек мог опомниться в своем горестном положении поработанного и гонимого существа. Людьюми овладело глубокое отчаяние и всеобщее уныние. Высшее общество с подлым и низким рвением спешило отречься от всяких человеческих чувств, от всех гуманных мыслей. ....Глубокая печаль овладела душою всех мыслящих людей» (7, 214). Состояние распада политических интересов, духовного надлома — вот что характеризовало русское общество второй половины 20-х годов. «Разгром политического движения двадцатых годов, связанного с именами декабристов, вызвал сильную реакцию сверху и совершенно обессилил оппозиционные элементы дворянства и нарождающейся интеллигенции. Общественная жизнь замерла; говоря словами кн. Вяземского, в России не было в то время общества, а было одно народонаселение...»<sup>28</sup>.

Но неверно было бы сводить содержание идейного кризиса русской общественной мысли только к ее упадку. Несмотря ни на что, шел очень сложный процесс подготовки элементов для нового подъема освободительной идеологии. Поражение декабристов вполне четко определило те рамки, внутри которых начиналось новое, поначалу робкое движение просветительских идей.

Расправа над декабристами, а затем разгром студенческих политических кружков (братьев Критских, 1827, Сунгурова, 1831), участники которых стремились последовать примеру тех, кому они обязаны были своим нравственным пробуждением, приводит новое молодое поколение противников деспотизма, и в особенности в 30-х годах, к сознанию двух удручающих фактов: громадной материальной мощи самодержавия, «необъят-

<sup>25</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 3, стр. 30

<sup>26</sup> См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 120

<sup>27</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 373.

<sup>28</sup> К. А. Пажитнов. Развитие социалистических идей в России, т. 1. Харьков, 1913, стр. 5—6.

ной силы правительства» (А. С. Пушкин), во-первых, и недостаточности сил, негодности средств тех, кто выступал против него, во-вторых. «Странная вещь,— писал впоследствии Герцен,— что почти все наши презы оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда — торжеством» (8, 84). Этот характер «грез» вполне отражал отсутствие сил революции в России.

Постепенно приходит сознание и глубинной основы этого трагического положения — понимание равнодушия и даже враждебности масс крестьянства дворянскому политическому движению. Иллюзии рассеивались: «народ остался безучастным зрителем 14 декабря» (7, 214). Дворяне были «страшно далеки» от народа, и это имело свое реальное выражение. Сохранилось очень любопытное свидетельство об отношении крестьянства к разгрому декабристов, принадлежавшее агенту III отдела С. И. Висковатому. Через пять дней после казни руководителей движения он доносил: «О казни и вообще наказаниях преступников в простом народе и в особенности в большей части дворовых людей и между кантонистами слышны такие для безопасности империи вредные выражения: начали бар вешать и ссылают на каторгу, жаль, что всех не перевесили, да хоть бы одного кнутом отодрали и с нами поравняли; да долго ль, коротко ли, им не миновать этого»<sup>29</sup>.

Понимание обреченности выступлений без народа, политических восстаний, подобных декабристскому, обдумывание иных способов борьбы становятся все более определенными среди оппозиционно настроенных мыслящих людей 30-х годов. Как свидетельствует Герцен в «Былом и думах», «после декабристов все попытки основать общества не удавались действительно; бедность сил, неясность целей указывали на необходимость другой работы,— предварительной, внутренней» (8, 44). «Впуганная в раздумье»<sup>30</sup> — так впоследствии (в предисловии к «Думам» Рылеева) характеризовал Огарев Россию николаевского времени. «Наш век есть век размышления», — писал в 30-х годах В. Г. Белинский<sup>31</sup>.

Ушедшее в теорию, в «размышление» освободительное движение мучил вопрос: останется ли и впредь народ, забитый своей темнотой, опутанный царистскими предрассудками, в стороне от борьбы со своим главным угнетателем — самодержавием, или его удастся завоевать на сторону революции? Ответа на этот вопрос, путей к народу ищут все те, кто еще не потерял надежды на возможность исторического прогресса, не впал в беспросветный пессимизм.

<sup>29</sup> Цит. по ст. Н. Пиксанов «Дворянская реакция на декабризм. «Звенья», сб. 2, 1933, стр. 136.

<sup>30</sup> См. Н. П. Огарев «Избранные социально-политические и философские произведения», т. I М., 1952, стр. 349.

<sup>31</sup> В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 520.

Но в идейных поисках находились не только противники деспотизма. И самодержавие лихорадочно «искало» способов самосохранения, укрепления, продления своего существования. Декабрьское выступление и последующее довольно тщательное расследование не могло не обнаружить перед теми, кто хотел видеть, картины глубоких недугов, поразивших Россию. Царь вовсе не случайно приказал составить свод показаний и запискам «бунтовщиков», в которых содержалась критика государственного и общественного устройства страны. Судорожно ища способы защиты от «погибельного духа эпохи», правительство намеревалось и стремилось предпринять ряд контрмер, которые были бы в состоянии предупредить и исключить выступления, подобные только что ликвидированному.

Среди этих мер немалое место было отведено целой системе борьбы с освободительными идеями, с «духовной заразой», которая, как казалось правящим классам России, всегда идет с Запада (в официальных документах декабризм вовсе не лицемерно характеризовался как следствие «заразы, извне... занесенной»). Казни и ссылки надо было дополнить духовной экзекуцией, которая пресекла бы вредоносное влияние «западных», «французских» идей. Охранители подумывали и о необходимости определенной гибкости в этом деле. Жандармский полковник И. П. Бибиков, делая своими соображениями на этот счет с Бенкендорфом, писал ему в марте 1826 г., что по отношению к вольнолюбивой молодежи следует применять, по его мнению, не одни только меры строгости, а искать и другие способы «укрощения»<sup>32</sup>. «Польстить тщеславию» и «направить перо и речи» в нужном направлении — такая попытка предпринимается даже и прежде всего в отношении Пушкина. По существу принуждая его к изысканию «противудействия» декабристской заразы, Бенкендорф, выполняя волю самого царя, поручает поэту составить мнение о мерах надлежащего «народного воспитания».

Наконец, как итог идейных «поисков» верхов к 1832 г. складывается и в выступлении С. Уварова («Отчет о ревизии Московского университета») оформляется доктрина так называемой «официальной народности», возводившая в принцип монархически-религиозное сознание русского крестьянства. Стержень ее — идея естественной и вековой исторической пассивности русского народа, который якобы по природе своей не революционер, стоит за царя, видит в помещике отца родного, тверд в религиозности. «Спокойная» и «устойчивая» крепостная Русь противостоит мятущемуся и разлагающемуся Западу. «Собрать и соединить в руках правительства все умственные силы, дотоле раздробленные, все средства общего и частного образования,

<sup>32</sup> См. Б. Мейлах Пушкин и его эпоха. М., 1958, стр. 363—364.

оставшиеся без уважения и частью без надзора, все элементы, принявшие направление неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитие умов потребностям государства, обеспечить, сколько дано человеческому размышлению, будущее в настоящем»<sup>33</sup> — вот в чем видел одну из главных задач своих Уваров. Его «теория» усиленно пропагандируется, его деятельность превозносится и просто наемными писателями и добровольными, по убеждению, помощниками деспотизма — М. Погодиным и С. Шевыревым, Н. Устряловым и М. Корфом и др.

В этой обстановке борьба с обскурантизмом, с попытками идеологической реакции сковать духовные силы нации, увести их с пути прогрессивного развития, подчинить интеллигенцию воле правящего класса выступает как важнейшая задача русского освободительного движения.

В самом конце 20-х годов начинается новый период русского Просвещения. В силу особых, тягостных условий развития та идейная подготовка буржуазно-демократических политических преобразований, которая в других странах и прежде всего во Франции протекала в один заход, в относительно сжатый промежуток времени (получивший в литературе условное название «эпохи Просвещения»), в России растянулась по времени и приняла весьма сложную, волнообразную форму. Первый крупный этап русского Просвещения относится к 60-м годам XVIII в. и связан в значительной степени с деятельностью Н. И. Новикова. Преодолев определенные кризисные явления после разгрома пугачевского восстания, русское Просвещение XVIII в. поднимается на исключительную высоту в творчестве Радищева. Его теоретический подвиг состоял в тщательном учете и сопоставлении русского исторического опыта (поражение крестьянской войны, крах политики просвещенного абсолютизма Екатерины II) с уроками Запада, с результатами американской и французской революций, показавших возможность и пути демократического освобождения трудящихся. Этот сильнейший запев русского Просвещения прозвучал задолго до выступления декабристов. Но между идеями Радищева и движением первых русских практических революционеров оказался непреодоленным разрыв: декабризм не воплотил всех заветов Радищева. Самое главное заключалось в том, что выступление 1825 г. не опиралось на точный расчет сил, по существу не имело четкой единой программы. Сама действительность отнюдь не ручалась за успех восставших. Вот почему новый этап русского Просвещения, начавшийся в конце 20-х годов, означал прежде всего осмысление опыта неудачи декабристов и поиски иных, более результативных путей освобождения. Суть его заключалась в стремлении приобщить народ к исторической жизни. Именно такую задачу и цель имел в виду

<sup>33</sup> Всеподданнейший доклад гр. С. С. Уварова Цит. по кн.: Эпоха Николая I, под ред. М. Гершензона. М., 1911, стр. 111.

В. Г. Белинский, когда писал еще в «Литературных мечтаниях»: «Придет время, просвещение разольется в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится...»<sup>34</sup>.

Само слово «просвещение» — популярнейшее в журналистике 20—40-х годов. Им свободно пользовался Пушкин, стремившийся «в просвещении встать с веком наравне». Очень много говорилось о просвещении в статье молодого И. В. Киреевского «Деятельность в XIX веке». Мечом просвещения потрясают даже спорящие между собой литературно-общественные направления. Н. Надеждин называет свой журнал «Телескоп» «органом современного просвещения» и без конца пишет о необходимости учения, образования для русского общества. Здесь же помещается речь М. А. Максимовича «О русском просвещении» (1832, № 2). Идею просвещения активно проповедует и полемизирующий с Надеждиным Н. Полевой. Одна из его речей имела характерное название «О невещественном капитале, как об одном из главнейших оснований государственного благосостояния и народного богатства». Общепризнанное просвещение — «невещественный капитал» — является, согласно Полевому, средством для развития русской промышленности. Поэтому он и призывает «к сближению средних состояний с европейскою образованностью»<sup>35</sup>.

Призыв к «просвещению», слышавшийся с разных сторон, скрывал самое различное содержание в зависимости от того, кто призывал... Даже идеологи официальной народности не брезговали этим словом. В официальных документах правительства говорилось о стремлении его к «расширению истинного просвещения». Манифест Николая I от 13 июля 1826 г. провозглашал: «Всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем законным, для всех отверзтым, всегда будут приняты нами с благоволением»<sup>36</sup>. А вот как раскрывал смысл просвещения «сверху» один из добровольных прислужников царизма: цель просвещения — благое воспитание юношества; последнее же состоит, в частности, «во внушении повиновения к властям, как к необходимому пружинам в огромной сфере благоустройства общего»<sup>37</sup>.

Но в общем правительство и его охранители как боялись науки, так ненавидели свободную духовную деятельность, что

<sup>34</sup> В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 102

<sup>35</sup> «Московский телеграф», 1825, № 3, стр. 258—259. См. Л. Е. Татищев. «Московский телеграф». (1825—1834). М., 1959

<sup>36</sup> «Северная пчела», 1826, № 85, стр. 2.

<sup>37</sup> В. Олин. Картина восьмилетия России, с 1825-го по 1834 й год СПб., 1833, стр. 44

стремились избегать и соответствующих слов. «Николай... инстинктивно ненавидел просвещение, как поднимающее голову людям, дающее им возможность думать и судить, тогда как он был воплощенное — «не рассуждать!...» По воцарении Николая, просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства...»<sup>38</sup>.

А отсюда борьба с тем просвещением, которое, по мнению верхов, способствует «развращению нравственности». Когда Пушкин представил требуемые от него Николаем соображения о «народном воспитании», Бенкендорф выразил неудовольствие ими царя в следующих словах: «Его величество... заметить изволил, что принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному»<sup>39</sup>. Из этой боязни просвещения проистекали и такие странные вроде бы действия правительства, как закрытие журнала «Европеец». В статье И. В. Киреевского «Девятнадцатый век» слово «просвещение» настолько напугало Николая, что он счел его за эзопово обозначение свободы, а всю статью — за призыв к революции, подобной революции 1830 г. во Франции...

Впрочем, и в лагере просветителей в это главное понятие вкладывалось содержание различное. Кое у кого «просвещение» становилось синонимом просвещенного монархизма, в котором и усматривался выход из всех бедствий России. Когда Надеждину в 1836 г. понадобилось доказывать свою благонадежность, он писал, что всегда выступал против «так называемого европейского, губительного просвещения»<sup>40</sup>. Он хотел для России просвещения, но не губительного, не «европейского», не тем паче «французского» (т. е. революционного), а осуществляемого сильной монархической властью.

Совсем иначе мыслилось тогда «просвещение» представителями левого крыла русской журналистики и общественной мысли.

### Надежды и разочарования

Поскольку реальных сил, которые могли бы противостоять царизму, в России того времени не было, внимание оппозиционной молодежи (да и не только молодежи) естественно обращается к странам Западной Европы. С социально-политическим

<sup>38</sup> Записки С. М. Соловьева, П. [б. г.], стр. 119

<sup>39</sup> См. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIII, 1937, стр. 315.

<sup>40</sup> См. М. Лемке Николаевские жандармы и литература 1826—1855 годов. СПб, 1908, стр. 433.

движением в этих странах и прежде всего во Франции и связываются в это время надежды на коренные общественные преобразования.

Поэтому вполне естественно, что в этих условиях в России приобретают известность и даже некоторую популярность теории буржуазного либерализма, лидеры которого возглавляли французское политическое движение.

Идеи этого течения, приветствуемые уже декабристами, около десятилетия (с 1825 г.) пропагандировались в «Московском Телеграфе» Н. А. Полевого. В этом журнале высказывалось сочувственное отношение к революционным событиям в Западной Европе, говорилось о необходимости равных политических прав для всех граждан, отмечалась прогрессивная роль буржуазии в борьбе против феодализма, восхвалялись радикальные французские романтики. Так понимал «просвещение» Полевой, Граф С. Уваров назвал даже его журнал «проводником русской революции»<sup>41</sup>. В докладе императору он писал: «Давно уже и постоянно М<осковский> Т<елеграф> наполнялся возвещениями о необходимости преобразований и похвалою революциям. Весьма многое, что появляется в злонамеренных французских журналах, «Телеграф» старается передать русским читателям с похвалою»<sup>42</sup>.

Под влиянием идей французского либерализма находится во второй половине 20-х годов и Герцен<sup>43</sup>. Несмотря на всю романтическую восторженность его мировоззрения той поры, на всю его неопределенность, примерно к 1830 г. политические взгляды Герцена мало-помалу складываются в то «французское воззрение», которое он впоследствии охарактеризовал как «либерализм à la Бенжамен Констан». В выступлениях Констан, Лафайета, Гизо и других «радикальных» деятелей того времени Герцена не могла не привлекать их антироялистская направленность, оправдание революции конца XVIII в. (героям которой Герцен поклонялся с детских лет), борьба за политически-правовые свободы. И эта симпатия Герцена западному либерализму никак не противоречила его юношескому стремлению продолжить дело декабристов. Ведь и сами декабристы видели в лидерах французской политической оппозиции своих учителей. Так, например, Н. Тургенев писал, что Бенжамен Констан «всего более сделал для политического воспитания не только Франции, но и остального европейского материка»<sup>44</sup>. Подобные признания

<sup>41</sup> См. В. Семевский. Сенсимонисты и фурьеристы..., стр. 344.

<sup>42</sup> Цит. по коммент. Вл. Орлова в кн.: «Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов». Л., 1934, стр. 481.

<sup>43</sup> См. Н. Н. Степанов. Указ соч., стр. 23—34.

<sup>44</sup> См. В. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. М., 1900, стр. 231. См. также С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, стр. 35, 36; «Восстание декабристов», т. IX, стр. 77, 206.



находим мы и у других участников декабристского движения. В. И. Ленин совершенно определенно писал, что декабристы были заражены демократическими идеями Европы<sup>45</sup>.

Весть о возглавленной французскими либералами июльской революции 1830 г. явилась в России первым ударом колокола после пятилетнего кладбищенского молчания.

Выступление парижских трудящихся, ускоренное глупой, даже с точки зрения русского царя, политикой последнего правительства Карла X — министерства Полиньяка, оказалось победоносным. Доведенные до крайности нелепыми мерами правительства массы Парижа в неделю расправились с монархией. Июльская революция послужила мощным стимулом для развития буржуазно-демократического движения во многих странах Европы.

В России интерес к революционным событиям во Франции был очень большим. «Самое интересное время нашего века!» — сказал о тех днях А. С. Пушкин<sup>46</sup>. «Французская июльская революция тогда всех занимала...» — вспоминал впоследствии А. И. Дельвиг<sup>47</sup>. «У нас боятся думать вслух, но, очевидно, про себя думают много», — записал в своем дневнике 5 сентября 1830 г. А. В. Никитенко<sup>48</sup>, имея в виду мнения о революции.

Однако, хотя интерес к событиям во Франции был и большой, «...нигде сочувственные июльской революции голоса не звучали так робко, так глухо, как в Российской империи»<sup>49</sup>. Не стесняться в выражениях могли лишь порицатели нового «бунта». Известный своими консервативными взглядами В. А. Жуковский писал 6 февраля 1831 г.: «...Сержусь на свет, который в пять месяцев оборотился вверх дном, проклиная абсолютистов, которых безумие всему причиною, и еще более проклиная анархистов, которые, сменив первых, хотят на место худого построить худшее; смотрю на будущее, не знаю, что будет, но уверен, что правитель верховный не дремлет и, наконец, делает по-своему»<sup>50</sup>. Осуждения в адрес революции неслись со страниц самых разных органов. И здесь надеждинский «Телескоп», проклиная «вандализм парижан»<sup>51</sup>, вполне мог посоперничать с «Сыном Отечества»<sup>52</sup>.

<sup>45</sup> См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 318.

<sup>46</sup> Письмо от 21 августа 1830 г. Полн. собр. соч., т. 10 1958, стр. 302 (перевод — стр. 819).

<sup>47</sup> А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. I. М., 1912, стр. 107.

<sup>48</sup> А. В. Никитенко. Дневник, т. I. М., 1955, стр. 92.

<sup>49</sup> А. И. Молок. Царская Россия и июльская революция 1830 г. — «Литературное наследство», т. 29—30, стр. 728

<sup>50</sup> «Уткинский сборник». М., 1904, стр. 105.

<sup>51</sup> «Вандализм парижан», «Телескоп», 1830, № 7.

<sup>52</sup> См., в частности, «Сын отечества и Северный архив», 1831, ч. 20—22; 1832, чч. 27, 31.

С радостью приняли вести о победе трудящихся в Париже лишь те, в ком жива была верность заветам декабристов. Да и сами декабристы, те, кто попал в ссылку, но не отказался от идеалов вольности, не смогли сдержать своего воодушевления.

Находившийся в Читинском остроге А. Одоевский посвятил революции такие стихи:

Едва дошел с далеких берегов  
Небесный звук спадающих оков —  
И вздрогнули в сердцах живые струны...

Н. В. Басаргин вспоминал в своих «Записках» о том ликование, которое весть об июльской революции 1830 г. вызвала у ссыльных декабристов: «Это сильно взволновало юные умы наши, и мы с восторгом перечитывали все, что описывалось о баррикадах и трехдневном народном восстании». Вечером все пели хором Марсельезу и, добыв где-то «бутылки 2—3 шипучего... выпили по бокалу за июльскую революцию. Веселые, с надеждой на лучшее будущее Европы, входили мы в Петровское»<sup>53</sup>.

Родовались друзья и наследники декабристов в столицах. А. А. Дельвиг напечатал в «Литературной газете» четверостишие французского поэта Казимира де ла Виня, посвященное памяти жертв революции<sup>54</sup>. «Есть суд земной и для царей», — воскликнул М. Ю. Лермонтов, воспевая «знамя вольности» в стихотворении «30 июля. — (Париж) 1830 года». В первом номере своего журнала за 1831 г. Н. Полевой рискнул отозваться об июльской революции как о «великом» событии.

О необычайно сильном духовном подъеме, вызванном среди русской молодежи вестью о революции во Франции, свидетельствовал В. С. Печерин: «Вдруг блеснула молния, раздался громовой удар, разразилась гроза июльской революции... Воздух освежел, все проснулось, даже и казенные студенты. Да и как еще проснулись! Слово дух святой низошел на них. Начали говорить новым, дотоле неслышанным языком: о свободе, о правах человека и пр. и пр.»<sup>55</sup>.

О подобном энтузиазме студентов Московского университета писал и Герцен. Он вспоминал, что он и его друзья «горячо любили» тогдашних радикальных деятелей «от Монюеля и Бенжамена Констана до Дюпона де Лёра и Арман Кареля» (8, 134).

Вполне можно поверить, что энтузиазм Герцена был чрезвычайно велик: казалось, будто революция имеет полный успех.

<sup>53</sup> Н. В. Басаргин. Записки СПб., 1917, стр. 122—123, 129—135. Цит. по кн.: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., 1955, стр. 439. (Из Читинского острога декабристов переводили в Петровский завод)

<sup>54</sup> Вызвав Дельвига к себе, Бенкендорф пригрозил ему, а также Пушкину и П. Вяземскому (принимавшим активное участие в газете), ссылкой в Сибирь.

<sup>55</sup> В. С. Печерин. Замогильные записки. М., 1932, стр. 38.

Из Франции через Бельгию, германские государства, Польшу волна восстаний катилась к России.

Казалось, что буржуазный либерализм не только провозглашает свободу, но и осуществляет ее. Но очень скоро выявилась подлинная цена этой свободы.

«Великая неделя» 1830 г. была результатом союза между буржуазией и рабочим классом, между либералами и республиканцами. Когда дело было сделано, рабочих отгеснили в стороны и буржуазия одна воспользовалась плодами революции»<sup>56</sup>. Тут-то и проявилась буржуазная сущность политического либерализма. Человеком, от которого во многом зависели результаты революции, был Лафайет: будут ли народу предоставлены республиканские формы жизни или ему будет «дарован» новый король? Сенсимонист Базар убеждал Лафайета взять в свои руки диктатуру, чтобы затем провозгласить республику. Лафайет колебался, но наконец, заявил о своем признании нового короля — герцога Орлеанского — Луи-Филиппа. Вожди либералов, «радикалы», примирились с новой монархией. И когда у бурбонского дворца появились недовольные угрожающие толпы, Констан, Лафайет и другие кинулись успокаивать их различными обещаниями. Да и Беранже призывал своих друзей признать герцога Орлеанского королем<sup>57</sup>.

Когда разразилось восстание в Варшаве, тут же был создан парижский комитет помощи восставшим во главе с Лафайетом. Комитет собирал денежные средства и вынашивал идею вооруженной поддержки поляков. И опять многое зависело от Лафайета. Но Луи-Филипп и его министры и слышать не хотели о выступлении в защиту поляков: это означало бы войну с Россией. И вновь лицо либералов приобрело естественный белый, предательский, цвет. Польский эмигрант Радонский сообщил своим друзьям в Познань о подлинном Лафайете: «Новый французский король сумел завлечь старика в свои сети... Этот бывший герой свободы теперь только раб герцога Орлеанского»<sup>58</sup>.

Энтузиазм, рожденный вестями о победе в Париже, мучительно перерабатывался в ненависть к изменникам народа после того, как стали видны реальные политические результаты баррикадных боев, после того, как «свободная» Франция отдала польских инсургентов на растерзание кровавому Николаю, после расправы «либеральной» буржуазии с лионскими рабочими.

А. С. Пушкин уже в августе 1830 г. в письме к Е. М. Хитрово едко высмеивал парижских либералов, предавших республику: «Те, кто еще недавно хотел ее <республику>, ускорили коронацию Луи-Филиппа; он обязан пожаловать их камергерами

и назначить им пенсии. Брак г-жи де Жанлис с Лафайетом был бы вполне уместен; а венчать их должен был бы епископ Талейран. Так была бы завершена революция». В январе 1831 г. Пушкин сообщал тому же адресату: «Французы почти перестали меня интересоваться. Революция должна бы уже быть окончена, а ежедневно бросаются новые ее семена. Их король с зонтиком под мышкой чересчур уж мещанин. Они хотят республики и добьются ее — но что скажет Европа и где найдут они Наполеона?»<sup>59</sup>

Характерна и оценка послереволюционной Франции молодым Белинским. В письме Д. П. Иванову от 7 августа 1837 г. он восклицал: «Во Франции были две революции и результатом их конституция — и что же? В этой конституционной Франции гораздо менее свободы мысли, нежели в самодержавной Пруссии»<sup>60</sup>.

Разочарование в буржуазной идеологии, точнее — в ее реальных плодах, и жажда нового, антибуржуазного мировоззрения охватывают почти все передовое русское общество. Не успев развернуть своих форм, русское Просвещение, в особенности левое его крыло, вновь впадает в кризисное состояние; на печальный русский опыт накладывается опыт «революционной» Европы; мысль о несовершенстве декабристских путей дополняется разочарованием в путях, предлагавшихся и осуществленных западными буржуазными либералами. «Исход июльской революции во Франции вызвал у передовой России неверие в возможность установления справедливости при новых, буржуазных порядках, показал невозможность ограничиться идеалами декабристов. Начинается критика буржуазного строя и поиски путей создания нового общества»<sup>61</sup>. В этих поисках и начинают играть существенную роль идеи утопического социализма.

### Сверкающий метеор

Хотя имена и произведения западноевропейских социальных мыслителей были известны в России еще с середины XVIII в., всерьез о реакции в России именно на социализм западных утопистов можно говорить лишь применительно к 30-м годам XIX в. Только в это время идеи социализма впервые получают широкую огласку, становятся элементом общественного сознания русского общества. Да и не только русского. 30—40-е годы — это время, когда, по выражению В. И. Ленина, Франция «разливалась по всей Европе идеи социализма»<sup>62</sup>.

<sup>59</sup> А. С. Пушкин Полн. собр. соч., т. 10, М., 1958, стр. 302 (перевод — стр. 820), 335—336 (831).

<sup>60</sup> В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 149.

<sup>61</sup> О. В. Орлик. Указ. соч., стр. 143.

<sup>62</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 271.

<sup>56</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 529.

<sup>57</sup> См. Ж. Вейль. История республиканской партии во Франции с 1814— по 1870 г. М., 1906, стр. 27, 190.

<sup>58</sup> Цит. по ст.: А. М о л о к. Указ. соч., стр. 757.

Событием, заставившим все европейское общество говорить о социалистических утопиях, была июльская революция 1830 г., в которой в разных формах и различной степени участвовали сторонники различных социалистических школ. И даже не сама революция, а ее поражение. Резкая оппозиция социалистов, в особенности сенсимонистов, строю июльской монархии не могла не обратить на себя внимание как тех, кто стремился навсегда погасить огонь революции, так и тех, кто, не удовлетворенный результатами только что произведенного переворота, искал новой освободительной теории. Социалистическая пропаганда, замкнутая ранее, как правило, в узких кружках, начинает привлекать всеобщее внимание. Вскоре нашлось и нужное слово — «социализм». Оно стало отныне выражением общей сути разных, даже подчас борющихся друг с другом, учений о коренном преобразовании существующего, эксплуататорского мира.

Самой известной из всех социалистических доктрин был в это время сенсимонизм. Он, «точно сверкающий метеор, приковал к себе внимание мыслящих людей»<sup>63</sup>. В конце 20-х — начале 30-х годов сенсимонизм — крупнейшее событие культурно-политической жизни Европы. Публичное изложение доктрины в Париже, прокламации к народу в июльские дни 1830 г., издание журналов «Производитель» (1825—1826) и «Организатор» (1829—1831), превращение известной литературной газеты «Глобус» в орган сенсимонизма — все эти факты свидетельствовали о восхождении новой школы. Старый мир издевался над ее приверженцами. Дело было не только в том, что сами сенсимонисты давали много оснований для насмешек. Новое вообще при своем рождении довольно часто кажется смешным, слабые ростки будущего не раз встречали смехом и улюлюканием. Но вскоре пустой смех прекращался, сменялся недоумением, вниманием...

Представители самых разных идейных и политических направлений не только интересуются в 30-х годах внешней стороной жизни участников общины, но и стремятся понять содержание сенсимонистского учения, всерьез определить свое отношение к этому новому идейному образованию.

Отрицательно относится к сенсимонизму Бенжамен Констан: буржуазный либерал усмотрел в нем препятствие для промышленного развития. Стендаль в специальной брошюре «О новом заговоре против промышленников» советует последователям Сен-Симона сосредоточиться на истинах, открытых Ст. Миллем, А. Смитом и Д. Рикардо, т. е. ограничиться пропагандой увеличения числа каналов и железных дорог. Реакционер Шатобриан возражает против «общности» и нивелировки, якобы свойственной философии сенсимонизма, направленной к тому, чтобы

угасить «разумом» воображение, поэзию<sup>64</sup>... Однако сильные голоса раздаются и в пользу сенсимонистского учения.

Интерес к нему проявляют и те русские, которые находятся в это время во Франции. После июльской революции ее непосредственный наблюдатель С. Д. Полторацкий приступает к изучению трудов Сен-Симона, устанавливает связь с редакцией сенсимонистского журнала «Revue Encyclopédique». А. И. Тургенев, находившийся во время революции во французской провинции и прибывший в начале сентября 1830 г. в Париж, отмечает в дневнике, что 11 октября он был у сенсимонистов, слушал «чтение из печатной книги глав о методе» и критиковал их увлечение религиозными идеями<sup>65</sup>.

Сенсимонистские идеи начинают выходить и за пределы Франции, волновать интеллигенцию других стран. Заметное признание находят они в Англии. Т. Карлейль переводит «Новое христианство» Сен-Симона на английский язык. Он признает величие сенсимонистского учения, хотя и оспаривает наличие в нем божественного откровения. Глубокое уважение к сенсимонистам выказывает Д. С. Милль, познакомившийся с ними в 1830 г. в Париже<sup>66</sup>.

В Германии сенсимонистские идеи исповедует Георг Бюхнер, рекламирует в университетских лекциях младогегельянец Э. Ганс, ими интересуются супруги Варнаген.

Именно в связи с революцией 1830 г. сенсимонистским учением глубоко увлекся Г. Гейне. Если до революции Гейне был, по его собственному признанию, «безусловным сторонником идей и принципов французской демократии», а Лафайет был его «героем», то после нее, резко разойдясь с мелкобуржуазным радикалом Берне, видевшим в сенсимонизме «ложное», «пагубное» учение, Гейне отрицает всеисцеляющее значение политических преобразований, подчеркивает недостаточность буржуазной демократии и поворачивает к социалистическим идеям. Правильно схватив «истину» «новой религии» сенсимонистов как выражение интересов народных масс, Гейне пытается обосновать эту истину, опереть ее на животворные принципы немецкой философии. Реализация этой попытки — книга Гейне о Германии, посвященная одному из вождей сенсимонистов П. Анфантену. Раскрывая в предисловии к французскому изданию этой книги смысл посвящения, Гейне пишет: «В те времена имя, которое я назвал с таким глубоким уважением, было, так сказать, девизом. Оно обозначало самую передовую партию в борьбе за освобождение человечества, партию, которая только что потерпела жестокое поражение от жандармов и придворных латекс»

<sup>64</sup> См. Л. Гроссман. Пушкин и сенсимонизм «Красная Новь», 1936, № 6, стр. 158—159.

<sup>65</sup> См. О. В. Орлик. Указ. соч., стр. 139, 141.

<sup>66</sup> См. Л. Гроссман. Указ. соч., стр. 159.

старого общества. Высказывая уважение к побежденным, я тем самым бросал их противникам гордый вызов, я открыто заявлял о своем сочувствии мученикам, которых в то время беспощадно бранили и позорили как в прессе, так и в обществе»<sup>67</sup>.

По-иному, без всякого восторга, отнесся к сенсимонизму Гёте. Вот подробно описанный Эккерманом разговор с Гёте, состоявшийся 20 октября 1830 г.: «...Гёте просил меня высказать свое мнение о сенсимонистах. «Главная мысль их учения,— сказал я,— состоит, по-видимому, в том, что каждый должен работать для счастья целого, так как это необходимая предпосылка для его собственного счастья».

«Я полагал бы,— возразил Гёте,— что каждый должен начать с самого себя и сначала устроить свое собственное счастье, из чего, в конце концов, безусловно возникает счастье целого. Впрочем, это учение представляется мне совершенно непрактичным и невыполнимым. Оно противоречит всей природе, всему опыту, всему ходу вещей в течение тысячелетий. Пусть только каждый выполнит свой долг и будет хорошим и дельным работником в сфере своего ближайшего призвания, и тогда счастье целого уже будет обеспечено. В моем призвании писателя я никогда не спрашивал себя: чего хочет широкая масса и чем я могу быть полезен целому? Если бы я в качестве писателя поставил своей целью удовлетворение желаний толпы, я должен был бы угождать ей и рассказывать всякого рода историйки, как покойный Коцебу»<sup>68</sup>.

Другое свидетельство, характеризующее отношение Гёте к сенсимонизму, содержится в его письме к Цельтеру от 28 июня 1831 г. Гёте писал здесь: «Среди других тихих и уединенных трудов... мне случилось, между прочим, заняться и новейшей французской литературой и в этой связи пришлось поразмыслить о религии сенсимонистов. Во главе этой секты стоят весьма неглупые люди; они очень хорошо знают пороки нашего времени и правильно ставят вопрос о желательных улучшениях. Но как только они принимают уничтожать злонаравие и развивать мысли о желательных улучшениях, так все идет вкривь и вкось. Эти чудаки воображают, что каждый получит по заслугам, если только присоединится к ним и станет служить их учению душой и телом, не щадя живота своего»<sup>69</sup>. В письме к Карлейлю от 20 октября 1830 г. Гёте советует ему держаться в стороне от общины сенсимонистов.

Своих противников и приверженцев сенсимонизм находит в 30-х годах и в других странах Европы.

Особенно большое внимание сенсимонизм приковал к себе

<sup>67</sup> Цит. по кн.: П. Рейман Основные течения в немецкой литературе 1750—1848 гг. М., 1959, стр. 451.

<sup>68</sup> См. И. П. Эккерман Разговоры с Гёте. М.—Л., 1934, стр. 830.

<sup>69</sup> П. Рейман Указ соч., стр. 311.

во время судебного процесса над организаторами менильмонтанской общины, состоявшегося в Париже 27—28 августа 1832 г. Этот процесс еще более разжег интерес к людям, проповедующим новую социальную религию, да и к самой этой «религии». Процесс был и вершиной известности сенсимонизма, и первой крупной вехой его падения. «Сверкающий метеор» покидал европейский горизонт.

Но именно в связи с этим процессом о сенсимонизме широко заговорили в России. Подробные сведения о нем, со ссылками на французскую прессу, довольно обильно публиковались в русской печати.

Сошлемся хотя бы на журнал «Сын отечества и Северный архив», издававшийся Ф. Булгаринным. Издевательским тоном сообщалось в нем об образе жизни членов анфантенвской общины. «Сенсимонисты заперлись в доме своем на улице Менильмонтане и ведут там жизнь нового рода»,— сообщал журнал в июне, подробно характеризуя далее внутренние порядки общины. 4 августа журнал излагал решение королевского суда «предать гг. Анфантена, Родрига, Барро, Шевелье и Дюварье уголовному суду и суду исправительной полиции: 1-е за составление, без позволения правительства, собраний в числе более 20 человек; 2-е за обман в денежных делах; 3-е за возбуждение к ниспровержению правительства; 4-е за оскорбление нравственности двумя речами, произнесенными г. Анфантеном в публичном собрании, и разными печатными статьями». Со злым смехом описывался в журнале костюм сенсимонистов — жилет, который не может быть надет одним человеком и посему «знаменует тесную связь, долженствующую существовать между сенсимонистами». Смешным и нелепым называлось поведение Анфантена на суде. С одобрением сообщалось в журнале о приговоре. И даже после окончания процесса журнал продолжал помещать сообщения о сенсимонистах. «Сенсимонисты снова открыли для публики свой Менильмонтанский дом,— сообщал журнал 15 сентября.— 4-го числа, вечером, их так называемые апостолы пустились по улицам зазывать к себе народ; собралось человек 600 любопытных, но часов в 7 вечера они разошлись без сопротивления, по приглашению полицейского комиссара, которого увещания подкреплены были присутствием 50 солдат линейных войск и 20 национальных гвардейцев». 3 ноября в отделе «Разных новостей» была помещена следующая заметка: «В прошлом году содержатели парижских театров объявили на афишах, что бывший Алжирский Дей почтит такое-то представление своим присутствием. Нынче место его заняли сенсимонисты: они являются в своих костюмах в разных театрах, и влекут за собой толпы зрителей»<sup>70</sup>.

<sup>70</sup> «Сын отечества и Северный архив», 1832, № 23, стр. 186—187; № 32, стр. 363—364; № 37, стр. 240—241; № 38, стр. 303; № 45, стр. 316.

Такою же безудержностью в нападках на сенсимонистов, дурачками насмешками и улюлюканием в их адрес отличался и другой болгаринский орган — «Северная пчела». Перепечатывая и излагая информацию о сенсимонистах из западной прессы, вышучивая, дискредитируя учение, эта газета, как и «Сын отечества», вместе с тем и в этой форме сообщала множество фактических сведений о деятельности и учении сенсимонистов, давала картину развития школы, называла имена учеников Сен-Симона. Она сообщала об уклонении сенсимонистов от воинской обязанности, об их якобы «корыстолюбивых намерениях», о закрытии «Глобуса», о полицейском и судебном преследовании секты. Подробно освещая знаменитый августовский процесс, газета приводила обстоятельные биографические сведения о Сен-Симоне, давала, конечно, весьма тенденциозный, очерк условий жизни общины. Освещала газета и второй, октябрьский, процесс над сенсимонистами. Одно из последних сообщений на тему о сенсимонизме, помещенное в «Северной пчеле», гласило: «Общество христианской нравственности во Франции предложило награду в 500 франков за лучшее сочинение против правил сенсимонистов с описанием особенно того, что в оных находится противно христианскому учению. На сию задачу прислано было одиннадцать сочинений»<sup>71</sup>.

Отдельные сведения о сенсимонизме печатались и на страницах других русских газет и журналов<sup>72</sup>. Русская публика, которая, разумеется, не ограничивалась только отечественными изданиями, могла составить довольно полное представление о сенсимонизме. При этом уже сразу определенно выявляется различное отношение разных общественных слоев и групп к сенсимонизму и другим социалистическим учениям.

### Безусловное отрицание

Николаевская Россия увидела в утопиях социализма новый вид страшной духовной заразы. Работы французских социальных мыслителей уже в 30-х годах объявляются «безусловно запрещенными». Так, например, не успела в Париже выйти (1833) известная книга Ф. Ламенне «Слова верующего», как она тут же (1834) была запрещена к обращению в России<sup>73</sup>.

Отношение царского правительства к социалистическим учениям красочно характеризует и следующий любопытный факт.

<sup>71</sup> «Северная пчела», 1832, № 243 (см. Л. Гроссман. Указ. соч., стр. 160—162).

<sup>72</sup> См. «Телескоп», 1832, № 11, стр. 418—420; «Молва», 1832, № 77, стр. 308 («Иностранные известия»).

<sup>73</sup> См. «Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранною цензурою с 1815—1853 гг. (включительно)». СПб., 1855, стр. 195.

27 ноября 1837 г. в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду», редактировавшихся А. Краевским, появилась статья «Карл Фурье (статья первая)»<sup>74</sup>. В этой статье (она была без подписи) говорилось: «Великий преобразователь Карл Фурье (Charles Fourier) умер в Париже 9 октября нынешнего года, в каком-то чердаке, забытый, оставленный всеми. Знаменитый автор «Traité de l'association», «Théorie des quatre mouvements» и «Nouveau monde industriel» испустил последнее дыхание на соломе; гений, посвятивший всю жизнь свою для блага человечества и решивший тайну извлекать пользу из самих страстей, человек, самый благочестивый, самый религиозный, жил в нищете, не имея часто насущного хлеба — и где же? — в стране, которая гордится своим просвещением, которая называет народ свой первою нацией в мире!». Неоднократно называя Фурье гением, творцом бессмертной теоремы «des attractions proportionnelles aux destinées», автор статьи так говорил о его сочинении «Traité de l'association»: «Это колоссальное творение далеко превосходит создания самых высоких гениев и никогда не будет иметь себе подобного на земле, ибо невозможно два раза открыть законы общественной гармонии». «Общество, среди которого жил Фурье, — говорилось в конце статьи, — приговляло ему еще награду, какую оно привыкло наделять до сих пор людей великих: забвение, насмешки, оскорбление, злобу и страдания... Фурье сделался жертвою и умер в нищете... Он не мог, подобно Моисею, увидеть богатые долины земли обетованной, земли грядущего, к которой отныне могущество его гения поведет людей без собственного их сознания».

Статья вызвала переполох. В день ее появления министр народного просвещения С. Уваров направил попечителю Санкт-Петербургского учебного округа запрос, в котором говорилось: только тем, что издатель и цензоры «не слыхали о Фурье и не знали, какое место принадлежит ему в ряду новейших мыслителей», и можно объяснить как появление этой, видимо, переводной статьи, так и то, что оказалось незамеченным, «сколь неуместно и даже оскорбительно уподобление этого писателя Моисею». Министр требовал объяснить, «от кого именно» была доставлена статья в редакцию. А. Краевский и цензоры получили по выговору<sup>75</sup>. Разумеется, продолжение статьи так и не появилось.

Итак, уже из одного этого факта видно, что социалистические учения воспринимаются теперь правящими классами России

<sup>74</sup> «Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду», 1837, № 48, стр. 473.

<sup>75</sup> См. Ю. Оксман. Меры николаевской цензуры против фурьеризма и коммунизма. «Голос минувшего», 1917, № 5—6, стр. 70. Надо отметить, что Краевский, которого нельзя определенно считать составителем данной статьи,

отнюдь не только как этюды на темы филантропии или причудливые фантазии чудаков. В них видят большую опасность, грозную силу, способную поколебать мир, основанный на частной собственности и неравенстве.

Враждебно отношение к учениям утопистов, гневное их отвержение сочеталось подчас в выступлениях реакционной и консервативной журналистики с довольно глубоким проникновением в их сущность, с относительно верным определением их классового содержания. Так, в аристократическом, близком к «официальной народности», «Московском наблюдателе» (1835—1837) в рецензии на ряд книг, посвященных проблеме обнищания народных масс во Франции, ее автор — Герман<sup>76</sup> — не только резко порицал западные социалистические учения, но и довольно точно определял их сущность. Он прямо указал, что сочинения Фурье и его последователей, так же как и сочинения школы сенсимонистов, имеют одним из важнейших своих предметов именно вопрос о бедности<sup>77</sup>. Устанавливая прямую зависимость между имущественным состоянием народных масс и социалистическими учениями, Герман, правда, еще не очень четко, отличал последние от благотворительных идей и положений экономистов, придерживающихся трудовой теории стоимости. Но в общем его оценки социалистов довольно определены: «Между тем не дремали корифеи различных партий, охотно пользующиеся большими народными массами для исполнения своих намерений; они усердно месили и пекли теории, коими указывали на новое, более благоприятное для работающего класса, разделение имущества или доходов с них. Правда, что в этих новых теориях не кричат уже грубым голосом, чтобы бедные грабили одного для выгоды других; дикая песнь обратилась теперь в скромную прозу и является в виде миролюбивого убеждения; но в существе это то же старое учение, которому худшая часть прослого народа всегда охотно внимает; только оно изменено сообразно с обстоятельствами настоящего времени...» Говоря, что центральное положение этих учений утверждает: в основе всего лежит труд, автор писал далее: «Не один Карл Фурье и вообще сенсимонисты приводили в систему это

указал, что «статью сию» он заимствовал из французского журнала «*Artiste*»; между тем, как установил Ю. Г. Оксман, статья эта была написана на основании надгробной речи В. Консидерана, опубликованной в фурьеристской «*La Phalange*», и некоторые выражения Консидерана были буквально приведены в «Литературных прибавлениях».

<sup>76</sup> Это, по-видимому, ординарный профессор статистики, академик с 1835 г. К. Ф. Герман (1767—1838), выступавший по общественным вопросам также и в журнале «Сын отечества» (см. «Сын отечества», 1838, т. VI. Некролог; П. Н. Сакулин. Указ соч., стр. 439—440; Русский биографический словарь, т. «Герберский — Гогенлоэ». М., 1916, стр. 51—54).

<sup>77</sup> «Московский наблюдатель», 1835, ч. III, «Критика», стр. 115.

учение; оно являлось в различных журналах и в оппозиционных листках; Ламенне, рассуждая о нем, предает даже всеобщему проклятию богатых, которым удалось посредством платы жалованья беднякам привести их еще в худшую зависимость, чем самое рабство. Это учение, кажется, почти принадлежит уже к аксиомам, которые имеют во французских обществах столь большую силу». И далее: «Нет надобности доказывать, что бесперывное распространение такого учения между простым народом во Франции питает в нем ненависть к хозяевам фабрик и вообще всем зажиточным гражданам, побуждает его к мятежам, и вскоре сделает невозможным пешись успешно о бедных». Вывод, предлагаемый автором, звучит вполне в православно-русском духе: «...когда люди состраждут близким своим и желают оказать им пособие, то должно предварительно наиболее пешись о их нравственном состоянии, ибо до тех пор, когда домашнее и общественное воспитание не будет согласовано с правилами религии, бедных всегда будет очень много»<sup>78</sup>.

С рецензией Германа вполне можно сопоставить статью, анонимно опубликованную в 1837 г. в «Библиотеке для чтения» Сенковского, — «Томас Морус и его утопия». Не исключена возможность, что эта статья была переводной, но в данном случае это роли не играет. Показательно само по себе уже обращение журнала к идеям одного из зачинателей европейской социалистической мысли. Пытаясь объяснить причины возникновения «странных мечтаний», содержащихся в морусовой «утопии», усматривая в Море родоначальника социализма, автор писал: «Наш век читал много переделок «Утопии», хотя авторы этих переделок и не знали оригинального сочинения. Учения сенсимонистов и фурьеристов находятся в «Утопии»; нападки на право собственности находятся в «Утопии», обоготворение нищего также находится в «Утопии»... «Утопия» есть не что иное как тема абсолютного блага, которую умы пылкие и нетерпеливые переделывали во все времена, стараясь утешиться в том, что в мире, в котором они живут, нет даже и блага относительного!»<sup>79</sup>.

### «Бредни», «фантазии», «сумасбродство»...

Отрицательное отношение к сенсимонизму и социализму вообще характеризовало и другие слои русской интеллигенции. Для ее большинства социалистические учения — это прямое

<sup>78</sup> «Московский наблюдатель», стр. 117—119, 133—134.

<sup>79</sup> «Библиотека для чтения», 1837, т. XXIV, отд. III, стр. 55—56. Это не единственное выступление этого журнала по поводу социалистических учений. В 1834 г. (т. II, отд. VII, стр. 83) «Библиотека» писала о Фурье, как об одном из «начальников французского романтизма», которые выступают против брака.

порождение, духовное детище французской революции и как таковое они должны быть отвергнуты.

Надеждин, например, выступая против «буйного пламени» французской революции, против «ложного призрака свободы», угрожающего «превратиться в кроважидное страшилище безначалия», полагая, что лишь при монархии «исступленное лже-мудроствоование» не будет, «во имя просвещения, угрожать всеобщим затмением!», видел в сенсимонизме прямой результат мятежного духа французов. Франция — «поучительный урок для вселенной!» «На ее трупе, силою гальванических потрясений, производятся ежедневно ужасные, но поучительные опыты, кои разрешаются окончательно и удовлетворительно важнейшие задачи общественного устройства и благоденствия. Известно, что сии задачи, беспрестанно запутываемые игрою страстей и обстоятельств, подавали повод к образованию различных политических утопий, начиная с платоновой республики до современных бредней сенсимонизма, где решение их основывалось на мечтах разгоряченной фантазии либо на софизмах перемудрившего ума»<sup>80</sup>.

Еще более резко Надеждин характеризовал сенсимонизм во второй статье — «Впечатления Парижа». Относя сенсимонистскую литературу к «юной словесности» Франции — «истинному плоду трехдневных баррикад», Надеждин заявлял себя постоянным противником этого «неистового сумасбродства». «...«Юная словесность» не есть только отпрыск фанатических идей 93 года, брожение старой революционной закваски XVIII века. В «юной словесности» ощутительно различие двух противных вероисповедований, политических и религиозных, философских и практических... Есть, во-первых, «юная словесность» демократическая, революционная, санкилотская, extrême литературы: она-то обливается кровью, проповедует разрушение всех общественных связей, воспекает прелюбодейство и кровосмешение, одним словом воспроизводит все ужасы нравственного и гражданского терроризма. Но, с другой стороны, есть также «юная словесность» мистическая, иллюминатская, сенсимонистская, extrême droite литературы, которая живет мечтами и видениями, проповедует возвращение золотого века, требует совершенной эмансипации женщины, как первого шага к возрождению общества, одним словом нежит воображение и чувствительность всеми чарами утонченного, духовного сладострастия, морочит всеми замашками вогского шаманизма. Обе они имеют сходство в наружных формах, отличающихся свержением всех уз приличия, нарушением всех условий общественности; обе бегают с всклокоченными волосами, помутившимися глазами; обе запустили

<sup>80</sup> «Телескоп», 1833, № 1, стр. 5—13; 1832, № 1, стр. 8—9, № 19, стр. 273; см. также № 9, стр. 115; 1834, № 19, стр. 153, № 21, стр. 319—325.

себе бороды, которые теперь, наперекор природе, служат вывеской самой крайней «юности». Но их способы, их следствия, их эффекты совершенно различны, даже противоположны. Первая проповедует совершенное неверие; вторая напротив до безмерности суеверна; та разочаровывает жизнь, эта окружает ее волшебным сиянием; та действует гальванически, эта погружает в сладкий магнитный сон; там кошмар, здесь сомнамбулизм; там в результате отчаянное бешенство, здесь мистическое помешательство». Тут же Надеждин отрицательно отзываясь об устаившей мечтательности Балланша, а под конец еще раз совершает выпад против сенсимонизма: «Нынешние литературные амазонки Франции суть выражения эмансипации женщин, требуемой бешенством юной Франции и сумасбродством сенсимонизма»<sup>81</sup>.

И еще не раз, по самым различным поводам, журнал Надеждина высказывал свое резко отрицательное отношение к сенсимонизму и другим школам утопического социализма<sup>82</sup>.

Несмотря на то, что Н. Полевой резко полемизировал с Надеждиным по целому ряду общественных и литературных вопросов, в отношении к сенсимонизму оба журналиста почти не разнились друг от друга. Так, поднимая, в отличие от «Телескопа», вопрос о женской эмансипации, «Московский телеграф» Н. Полевого одновременно грубо обрушивался на трактовку женского вопроса сенсимонистами. Основная сфера общественной деятельности женщин — искусство, утверждал журнал; женщинам должна быть чужда борьба общественных партий, где, «слава богу, на зло Сен-Симону, у них нет еще роли официальной»<sup>83</sup>. Здесь же журнал выступал против «нападаю-

<sup>81</sup> «Телескоп», 1836, № 5, стр. 101—103, 116

<sup>82</sup> В статье «Статистика французского книгопечатания в 1835 г.» Надеждин вновь обращался к оценке сенсимонизма и системы Ламенне «Сенсимонизм, новая французская церковь, имаженизм и другие религиозные секты во Франции обнаружили свое существование несколькими ничтожными брошюрками». «Дерзость известного аббата де Ла-Мене нашла сильное сопротивление в католическом духовенстве: он объявлен самым опасным еретиком. Аббат Гильон, один из уважаемых профессоров Сорбонны, издал против него в трех частях «Историю новой ереси XIX в.» (там же, 1836, № 6, стр. 391, 393; см. также «Молва», 1836, вып. 16). Л. Пипер совершенно неосновательно считал «русским сенсимонистом» автора опубликованной в «Телескопе» в 1836 г. рецензии на книгу Ф. А. Герстнера «О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск...». «Сенсимонизм» этой статьи был усмотрен в том, что ее автор проповедовал необходимость развития железнодорожного транспорта, благодаря чему «естественным образом составится из всего рода человеческого одно великое семейство, связуемое взаимною зависимою, выгодою и уважением, тот вечный мир, о котором мечтал добрый Генрих IV» («Телескоп», 1836, № 10, стр. 278. См. Л. Пипер, Указ. соч., стр. 32—33).

<sup>83</sup> «Московский телеграф», 1833, т. 51. Перевод статьи французского публициста Сальванди «Об участии женщин нашего времени в просвещении» Цит. по ст.: Г. А. Вишнева. Вопросы женской эмансипации в русских

шей на брак» Жорж Занд, которая следовала в этом вопросе сенсимонистскому учению.

Отрицательную по отношению к утопическому социализму позицию занимал в 30-х годах В. Г. Белинский. В одной из статей 1838 г., опубликованной в реорганизованном «Московском наблюдателе», Белинский высказал свое недвусмысленно негативное отношение к сенсимонизму. Полемизируя с мнением французского историка литературы Лерминье, что каждый народ должен иметь свою философию, что абсолютной истины нет, Белинский писал об абсолютном характере христианской религии и тут же замечал: «Но Лерминье не христианин, а сенсимонист»<sup>84</sup>. Белинский в это время — категорический сторонник христианства, противник всяких его реформаторов<sup>85</sup>. С этой точки зрения понятен и его выпад против Ламенне в одном из писем 1837 г.: «Вино полезно для людей взрослых и умеющих им пользоваться, но губительно для детей, а политика есть вино, которое в России может превратиться даже в опиум. Есть книга, наделавшая в Европе много шума, сочинение аббата La-Mennais — «Les paroles d'un croyant». В этой книге Христос представлен каким-то политическим заговорщиком, мирообъемлющее его учение понято в частном и ограниченном смысле политики, все представлено ложно, противоречиво. Я едва мог прочесть страниц 60 и бросил, потому что эта книга нагнала на меня скуку и досаду. А если бы ее позволили перевести и издать, то сколько бы молодых голов сошло от нее с ума, обольщенные ее пышными и звонкими фразами, ее трагическими кривляниями и пошлыми возгласами!»<sup>85</sup>.

Эта забота о нравственно-политическом «здоровье» русской молодежи, стремление предостеречь ее от «французской болезни», которая «к несчастью» распространилась и в России, пронизывали и программную статью кружка Белинского — Бакунина «Предисловие к «Гимназическим речам Гегеля»». Бакунин писал здесь, что источник этой «болезни» — ужасная, бессмысленная анархия умов, постоянное стремление к обновле-

журналах 1830—1840 гг. «Уч. зап. Казанского ун-та», т. 117, кн. 9. Общеуниверситетский сб., вып. 1, 1957, стр. 88.

<sup>84</sup> В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 472. В том же, 1838 г. «Современник» в статье «Хроника русского в Париже», принадлежавшей перу А. И. Тургенева (эту статью Белинский читал, на нее он откликнулся в своем журнале), сообщал: «...Лерминье, хотя все еще иногда сенсимонистствует, но уже начинает с почтением отзываться и о Римской церкви...» («Современник», 1838, т. 9, отд. «Современные записки», стр. 13).

<sup>85</sup> «Есть книга, в которой все сказано, все решено, после которой ни в чем нет сомнения, книга бессмертная, святая, книга вечной истины, вечной жизни — евангелие. Весь прогресс человечества, все успехи в науках в философии заключаются только в большем проникновении в таинственную глубину этой божественной книги, в сознании ее живых, вечно непреходящих глаголов» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 555—556).

<sup>86</sup> В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 150.

нием. В этой связи он так говорил о сенсимонизме: «Находясь вне христианства, они (французы.— А. В.) чувствуют потребность религии и стараются выдумать свою религию, не зная, что религия не от рук человеческих, а есть откровение божие, и что вне христианства нет, и не может быть, истинной религии — вот источник смешного сенсимонизма и других религиозных сект, если их только можно назвать религиозными»<sup>87</sup>.

## Интерес и сомнение

Было бы неправильно ограничиться простой констатацией отрицательного отношения большинства просвещенного русского общества 30-х годов к социализму. Внутри этого общего настроения были разные оттенки. И для нас сейчас очень важно подчеркнуть, что некоторые из русских мыслителей 30-х годов, в целом отвергавшие сенсимонизм, усматривали все же в нем некоторые положительные стороны. В этом смысле очень показательны позиции, занимавшиеся в отношении к социалистическим учениям П. Я. Чаадаевым и В. Ф. Одоевским.

Первый отзыв Чаадаева о синсимонизме мы находим в его письме А. С. Пушкину в сентябре 1831 г. Он пишет здесь об июльской революции как о чрезвычайном бедствии, постигшем Европу, и продолжает: «...Не я один не теряю надежды на то, что разум образумится. Но как совершится этот возврат, когда? Будет ли в этом посредником какой-либо могучий дух, облеченный провидением на чрезвычайное посланничество для совершения этого дела, или это будет следствием ряда событий, вызванных провидением для наставления рода человеческого? Не знаю.

Но смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени. Быть может на первых порах это будет нечто, подобное той политической религии, которую в настоящее время проповедует Сен-Симон в Париже, или тому католицизму нового рода, который несколько смелых священников пытаются поставить на место прежнего, освященного временем<sup>88</sup>. Почему бы и не так? Не все ли равно, так или иначе будет пушено в ход движение, имеющее завершить судьбы рода человеческого... Будем ждать»<sup>89</sup>.

При построении своей социальной утопии Чаадаев несомненно воспользовался некоторыми идеями западных христианских социалистов. Правда, усматривая в социалистических учениях приготовление мира к повому и окончательному «благовестию с небес», он тут же вступал в полемику. Строить царство божие на земле будут «избранные или призванные», а не масса. Идеалы

<sup>87</sup> М. А. Бакунин. Гимназические речи Гегеля. Предисловие переводчика В кн.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, 1901, стр. 488

<sup>88</sup> По-видимому, имеется в виду прежде всего Ламенне.

<sup>89</sup> П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. 2. М., 1914, стр. 179—180.



социализма нельзя отождествлять с идеалами христианства. В этой связи Чаадаев решительно выступал против Ламенне. В 1837 г. он писал: «Как можно искать разума в толпе? Где видано, чтобы толпа была разумна? Was hat das Volk mit der Vernunft zu schaffen? — сказал я когда-то какому-то немцу. Приехал бы к нам ваш г. Ламенне и послушал бы, что у нас толпа толкует, посмотрел бы я, как он тут приладил бы свой vox populi — vox dei? К тому же это вовсе не христианское исповедание. Каждому известно, что христианство, во-первых, предполагает жителство истины не на земле, а на небесах; во-вторых, что, когда она является на землю, то возникает не из толпы, а из среды избранных или призванных»<sup>90</sup>.

Аналогичным было отношение к социализму В. Ф. Одоевского. В статье «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе» (1836) он оправдывал появление социалистических «нелепых» мечтаний, «неисполненных законов для преобразования общества» тем, что Европа весьма «престарела»<sup>91</sup>. В другой, неопубликованной работе, превознося «живительную силу», которая указывает человеку его права и обязанности, Одоевский писал: «Вы, верно, ожидаете вслед за сим что-либо мистическое, сенсимонистское, гуманитарное, неохристианское или что-нибудь в том же роде, изобретенное людьми, которых тревожило беспокойное внутреннее чувство и которые, следуя единому, узкому пути, забрели в лабиринг безвыходный!» Нет, отвечает Одоевский, «живительная сила есть вера!»<sup>92</sup>. Характерно и отношение Одоевского к Фурье. Он для него «один из замечательных людей» своего времени, но его «промышленно-поэтическая теория», говорит Одоевский в 1839 г., выходит «из пределов возможного» и «ныне сделалась добычею истории»<sup>93</sup>. Сомнительна и теория Фурье о гармонии страстей, равно и вообще его взгляд на психологию человека. Он из тех, кто гоняется за недостижимым...

Еще в 1837 г. польский поэт А. Мицкевич поставил многозначительный вопрос о возможном воздействии идей Сен-Симона на Пушкина. «Что творилось в его душе? — спрашивал Мицкевич, имея в виду Пушкина конца 20-х годов. — Проникалась ли она в тиши тем духом, который вдохновлял творения Манцони или Пеллико, который, кажется, оплодотворяет размышления Томаса Мура, также умолкнувшего? А может быть его воображение было возбуждено идеями в духе Сен-Симона или Фурье? Не знаю. В его стихотворениях и в разговорах можно было приметить следы обоих этих стремлений»<sup>94</sup>.

В произведениях Пушкина, в его переписке нет прямых указаний ни на Сен-Симона, ни на других социалистов. Но имеется несколько фактов, которые свидетельствуют о довольно тесном контакте великого русского поэта с комплексом идей, развивавшихся новым социальным учением.

В библиотеке Пушкина сохранились три французских книги, которые могли дать ему более или менее полное представление о сенсимонизме. Это — «Изложение учения Сен-Симона», «Религия сенсимонизма» (в ней Пушкина в особенности заинтересовал раздел «К художникам. О прошлом и будущем изящных искусств», принадлежавший Барро) и роман Жозефины Лебассю «Сенсимонистка»<sup>95</sup>. Само наличие этих книг в библиотеке говорит о том, что сенсимонистское учение явилось, по видимому, одним из источников той сложной духовной драмы писателя, которую он переживал после 1825 г.

В этой связи представляется неслучайным помещение в пушкинском «Современнике» статьи А. И. Тургенева (анонимно) «Париж, хроника русского», в которой давалась характеристика Буонаротти, упоминались сенсимонисты<sup>96</sup>. Весьма достоверным выглядит предположение П. Н. Сакулина<sup>97</sup>, что намек на учение социалистов содержался в статье Пушкина «Александр Радищев» (1836). Пушкин писал здесь: «Другие мысли, столь же детские, другие мечты, столь же несбыточные, заменили мысли и мечты учеников Дидро и Руссо, и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменятся другими»<sup>98</sup>.

Всего вероятнее, что Пушкин относился к числу оппонентов сенсимонизма. Но вместе с тем можно предполагать и известное сочувствие его новому учению, пусть и «несбыточному», некоторое влияние на него идей сенсимонизма, в частности в вопросах о социальном назначении искусства, о роли народа в истории.

В целом же русское просвещение 30-х годов не приняло социалистического учения. Общим было, пожалуй, лишь разочарование в буржуазной идеологии либерального толка. Но в поисках источника, который мог бы удовлетворить жажду новой, антибуржуазной доктрины, русские просветители расходятся. Одни начинают тянуть назад, идеализируя русские патриархальные порядки — так появляются зародыши славянофильства. Другие ратуют за примирение с действительностью: ренегатом становится Полевой, в бездну гегелевской разумной действительности бросаются Бакунин и Белинский (к счастью, вскоре они смогли выкарабкаться из нее). Третий вновь

<sup>90</sup> П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. 2, стр. 300—301.

<sup>91</sup> См. В. Ф. Одоевский. Соч. СПб., 1844, стр. 363—364.

<sup>92</sup> Цит. по кн.: П. Н. Сакулин. Указ. соч., стр. 438.

<sup>93</sup> В. Ф. Одоевский. Соч., ч. III, стр. 334—335.

<sup>94</sup> А. Мицкевич. Собр. соч., т. 4, 1954, стр. 96.

<sup>95</sup> См. Л. Гроссман. Указ. соч., стр. 158—159.

<sup>96</sup> «Современник», 1836, № 1, стр. 286—287.

<sup>97</sup> П. Н. Сакулин. Указ. соч., стр. 435—436.

<sup>98</sup> А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 351.

захватывает иллюзия о просвещенном монархе, о реорганизации русского общества мудрым царем (Н. Надеждин, отчасти А. Пушкин). Четвертые владают в полнейший пессимизм и строят новую религию (Чаадаев)...

И только двое молодых юношей — Герцен и Огарев, тоже разочаровавшиеся в буржуазном либерализме, переходят к самому передовому по тем временам социально-политическому учению — сенсимонизму, становятся пропагандистами социалистических идей.

### Социализм как антилиберализм

Уже осенью 1832 г. в переписке Герцена и Огарева обсуждался вопрос о «недостаточности» западного либерализма. В письме от 3—4 сентября 1832 г. Огарев пишет Герцену, что, сравнивая США и страны Западной Европы, он, так же как и Герцен, находит в них «высшее развитие гражданственности, основанное на положительных началах политической экономии и государственоведения». Но и там «вся умственная, даже вся политическая деятельность... поглощена одним предметом — промышленностью...» Из этого же письма Огарева видно, что и Герцен «жалуется» на «бездеятельность американцев», т. е. не воспринимает установившийся там строй как идеальный. Но еще больше Герцен недоволен западноевропейским либерализмом. Возражая ему, Огарев пишет: «Но почему ты так нападаешь на Европу и почему думаешь, что ее либералы более ненавидят рабство, нежели любят свободу...». И призывает друга: «взгляни на Францию, чтобы убедиться в противном». Быстрое развитие общества, «просвещение общественное» — такую положительную сторону видит Огарев в современной ему Франции<sup>99</sup>. Как бы то ни было, это разномыслие друзей обнаруживает, что западный либерализм уже не удовлетворяет Герцена.

Компромисс между феодализмом и свободой, «контракт» между господином и слугой — вот как определяет Герцен суть «нынешнего», т. е. буржуазно-либерального, направления в письме Огареву от 31 августа 1833 г. По-социалистически утверждает он мечту о таком состоянии, когда «не нужно ни господина, ни слуги» (21, 26). Здесь чувствуется выражение прямого согласия с мнением Огарева: «Одна не бездушная философия последних времен, где высоко поняты требования века — это Saint Simon»<sup>100</sup>.

О понимании и восприятии сенсимонизма как нового социального учения, высшего по сравнению с буржуазным либерализмом, свидетельствуют и материалы допроса Герцена и Огарева в следственной комиссии. Им обоим пришлось давать

объяснения по поводу герценовской формулы «контракт между господином и слугою», поскольку письмо Герцена от 31 августа 1833 г. попало в руки полиции. Раскрывая содержание этой формулы, оба молодых сенсимониста высказали свое недовольство конституционными порядками, общественным строем буржуазной Европы. Раскрывая суть сенсимонизма, Огарев говорил, например, что это есть «учение Сен-Симона, в котором изложена та мысль, что Европе недостаточно теперешнего устройства и что для нее необходимо обновление; о сем я писал к г. Герцену, вероятно, после чтения о сем предмете в каком-либо журнале; он с сим согласен и полагает, что революция 89 года не иное что сделала, как разрушила старое, не построив, не создав ничего на место оногo, между тем, как государства европейские (что в письме г. Герцена разумеется под обществами Европы) требуют замену уничтоженному»<sup>101</sup>.

Жажда «фазы гармонии», «обновления», «палингенезической» эпохи, нового мира — мира социализма нашла свое выражение в целом ряде писем и набросков Герцена и Огарева 30-х годов. В наброске Огарева «Толпа» (ок. 1833), одно время приписывавшемся Герцену, герой восклицает: «Любил бы я видеть человечество прекрасное, могущественное, гордое своим достоинством, напрягающее все силы свои к добру, изощряющее все способности свои для блага общего, а не эту жалкую толпу, которой кумир — золото, действия — расчет, которая теряется в ничтожных спекуляциях, отвратительных покушениях на счастье ближнего, в эгоистическом стремлении к безумным наслаждениям». В этой же статье проводилась идея «общей деятельности», не преследующей корыстолюбивых видов, идея такого общества, «стройного гармонического целого», «где перевес имели бы одни качества души, где не ползали бы пред богатым, где бы не трепетали сильного, но где труд для блага общего был бы единым уровнем людей, и это благо их единую целью...»<sup>102</sup>.

В сохранившемся отрывке рукописи Огарева (на немецком языке), которая была отобрана при аресте и, значит, написана до 1834 г., говорилось: «Европа требует новой жизни... Но в чем же должна состоять новая жизнь? В новой организации всего мира. В чем же должна состоять эта организация, на какой основе она должна развиваться? Вот в чем вопрос! Место религии должна заступить сияющая идея, которая, будучи всеми понятой, поведет людей к их истинной цели...»<sup>103</sup>.

Стоит указать и на отрывок из письма Огарева Н. Х. Кетчеру (1835), в котором он выносит приговор буржуазии, третьему

<sup>99</sup> А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 337.

<sup>102</sup> «Звенья», сб. 6. М. — Л., 1936, стр. 340—341.

<sup>103</sup> «Литературное наследство», т. 63, стр. 288 По предположению Е. Л. Рудницкой, эта рукопись, возможно, представляет собою выписку из какого-нибудь немецкого автора, а может быть выражает и оригинальные мысли Огарева.

<sup>99</sup> Н. П. Огарев. Указ. соч., т. 2, стр. 255; курсив мой. — А. В.

<sup>100</sup> Там же, стр. 267 (письмо от 10 августа 1833 г.).

ссловно, считая его ненужным для России. Капиталистическому пути он противопоставлял иной: «образовать общины — dans la lie du peuple»<sup>104</sup>. Но общины, между собой связанные одною общиной, которая была бы их *sensorium communis*».<sup>105</sup> Не трудно увидеть, что здесь речь идет опять-таки о социалистическом идеале. В другом письме Кетчеру (1837), формулируя задачу новой общественной организации, Огарев писал, что она должна «сохранить при высочайшем развитии общественности полную свободу индивидуальную... Это задача для жизни рода человеческого, чем ближе к разрешению, тем ближе к совершенству; эту задачу пусть разрешает человечество как скоро сбросит ветхую епанчу свою...»<sup>106</sup>

Происшедший незадолго перед арестом идейный разрыв Герцена с Н. А. Полевым, приверженцем буржуазно-правовых идей, для которого, по выражению Герцена, социалистические идеи были «безумием, пустой утопией, мешающей гражданскому развитию» (2, 23), лишний раз подчеркивает социальный, общественный характер увлечения Герцена сенсимонизмом.

Конечно, слова Герцена о том, что сенсимонизм лег в основу его убеждений, не означали, что он стал adeptом этой системы, последовательным сенсимонистом. «Я не сенсимонист...», — категорически заявлял Герцен в письме к Н. А. Захарьиной от 22 февраля 1835 г. Конечно, он лишь оригинально «переводил» Сен-Симона «с французского на русский» и этот «перевод» свидетельствовал об исторической обусловленности его мышления.

Конечно, в трактовке сенсимонизма Герценом могло быть и много наивного. Его могли привлечь в этом учении такие его стороны, которые составляли лишь внешнюю оболочку социалистической идеи. Но нам важно подчеркнуть здесь иное. Именно социализм, в его сенсимонистской разновидности<sup>107</sup>, был воспринят Герценом как выход из того кризиса, в котором, по его мнению, находилась современная ему Европа.

Конечно, даже мечтать о социализме в России 30-х годов прошлого века было чересчур большой вольностью. Конечно, социализм Герцена и Огарева тех лет был и «книжным», и «абстрактным». Но за всем этим нельзя не видеть действительной сути дела: обращение Герцена и Огарева тех лет к идее социализма содержало зародыш постановки в последующем двух

взаимосвязанных вопросов: 1) о желательности некапиталистического развития для России; 2) об иной, не либерально-буржуазной форме демократизма.

Гораздо позже, уже в 60-х годах, Огарев писал: «Дело политической свободы стало заветом для всех поколений, следовавших за декабристами; но мысль о недостаточности формальной равноправности и законности, недостаточности конституционных форм, основанных на сословности и цензе, без действительного самоуправления всех, вытекающих из иного понятия отношений к собственности, проникала и росла в общем сознании»<sup>108</sup>. В этих словах очень четко выявлено то направление, в котором шло развитие русской революционной традиции — от декабризма к социализму.

Герцен вполне справедливо, с полным основанием ставил в причинную зависимость свое обращение к сенсимонизму с итогами революции 1830 г. и разочарованием в идеологии «а la Бенжамен Констан». Мы уже приводили некоторые его суждения на этот счет. Еще более определенно та же мысль была выражена Герценом в письме «В редакцию «Польского демократа» (1853): «После июльской революции, окончившейся *водворением порядка в Варшаве*, в России потеряли веру в политику: там стали подозревать бесплодие либерализма и бессилие конституционализма. С одной стороны, становилось все очевиднее, что русский народ не солидаризуется с меньшинством, с другой — стали с ужасом замечать убожество революционной идеи, господствующей во Франции. Сомневались, отчаивались, искали чего-то иного.

Это «иное» уже было найдено» (12, 76), — говорил Герцен, имея в виду социалистическое учение.

В более примитивной форме эта же связь между «разочарованиями 1825 и 1830 гг. и обращением к идеям социализма была выражена одним из бывших участников студенческого кружка Герцена — Н. И. Сазоновым. «После 1825 и особенно после 1830 г., — писал он, — Россия приняла совершенно новый, почти злобещий облик, и цивилизация стала там официально считаться лишь средством господства или способом приумножения материальной мощи государства. Не пытаюсь отыскать истока народной жизни, в России воспользовались понятием народности для установления и укрепления системы слепого и мелочного консерватизма... Однако живя среди абстракций и варварства, мыслящее меньшинство русской молодежи, воодушевленное любовью к родине и свободе, с неутомимым рвением искало выхода, который примирил бы ее с народом.

<sup>104</sup> В гуще народа (франц.).

<sup>105</sup> Общим мозгом (лат.). Н. П. Огарев. Указ. соч., т. 2, стр. 271.

<sup>106</sup> Н. П. Огарев. Указ. соч., т. 2, стр. 288.

<sup>107</sup> И. И. Зильберфарб, правда, полагает, что «новый мир» Фурье интересовал молодого Герцена не в меньшей мере, чем «новое христианство» Сен-Симона («Идеи Фурье в России в 30—40-х годах XIX в.» «Исторические записки», т. 27, 1948, стр. 245).

Разочарования 1825 и 1830 гг. послужили нам полезным уроком, после которого мы стали стремиться к разрешению больших национальных вопросов прежде всего при помощи науки... Начался отход от абстракции, варварство же мы победили своей любовью к народу. Принимая все это во внимание, легко будет понять, какое впечатление должны были произвести в России занесенные туда сенсимонистские сочинения... Пламенная любовь к народу, вдохновлявшая Сен-Симона, не могла не захватить русскую молодежь, у которой именно это чувство господствовало над всеми остальными»<sup>109</sup>.

Можно согласиться, что четкие суждения Герцена о противоположности, непримиримости идей буржуазного либерализма и социализма принадлежат не 30-м годам, а более позднему времени. Но нельзя не видеть того, что первые социалистические идеи в России явились именно как следствие, результат разочарования в либерализме, обнаружившем свою классовую, т. е. узкую, необщечеловеческую сущность в период французской революции 1830 г. Как утопический социализм XIX в. вообще выразил, по словам Ф. Энгельса, «горькое разочарование» в буржуазном обществе<sup>110</sup>, явился в качестве своего рода «антилиберализма», — так и обращение Герцена к социализму было в существе своем антилиберальным.

Разочарование в буржуазном либерализме началось в русской мысли еще раньше. Некоторые декабристы, например, уже понимали, что буржуазные порядки не принесли Западной Европе и Америке сжидавшегося благоденствия, что «свобода нсвейших народов отзывается деньгами»<sup>111</sup>. Но все дело в том, что до Герцена критика буржуазного либерализма не затрагивала социального вопроса, не касалась проблемы народа. С Герцена же начинается та эпоха русской мысли, которая ставит вопрос об обществе бесклассовом, об обществе людей равного социального положения, о том, чтобы «уничтожить разницу между богатыми и бедными. Это желание социалистическое. Все социалисты хотят этого»<sup>112</sup>, — писал В. И. Ленин.

Поэтому есть все основания для того, чтобы датировать начало социалистической мысли в России именно деятельностью Герцена и Огарева начала 30-х годов. Именно они заложили социалистическую традицию в русской мысли, традицию антилиберальную. Начиная с них, последовательный демократизм в России почти обязательно принимал форму социализма, выступал как утопический социализм.

<sup>109</sup> Н. И. Сазонов. Литература и писатели в России Александр Герцен В кн.: «А. И. Герцен в русской критике». М., 1953, стр. 150—152.

<sup>110</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 20, стр. 268

<sup>111</sup> Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1, стр. 195. Ср. Н. Тургенев Дневники, т. 3, П., 1921, стр. 114

<sup>112</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 123.

Но тут мы оказываемся лицом к лицу со следующим вопросом. Как смог Герцен в 30-е годы «сочетать», «соединять» декабризм, в основе которого лежала идея политического революционного насильственного переворота и наследником которого Герцен выступал, с сенсимонизмом, отрицающим идею насилия?! Оставить этот вопрос без ответа — значит представить Герцена мыслителем, эклектически сочетавшим самые различные, даже взаимоисключающие идеи.

Предпосылка ответа на этот вопрос — понимание того, что разочарование в политическом либерализме и обращение к социализму означали в принципе переосмысление Герценом и Огаревым декабристских традиций, их углубление, развитие и переоценку.

В университет Герцен вступил с горячим стремлением продолжить дело духовных отцов, выполнить данную вместе с Огаревым клятву: «пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу» (8,81). Разбуженные восстанием к политической деятельности, Герцен и Огарев, несмотря на туманность общей цели<sup>113</sup>, стремятся первоначально идти строго по пути декабристов. Организация кружка казалась им вступлением на эту стезю. Этой же цели служило установление Огаревым связи с разгромленным вскоре кружком Сунгурова.

Но скоро сам Герцен заметил, что, по сравнению с прежними годами, со временем юношеской клятвы на Воробьевых горах, к началу 30-х годов у него стало «менее веры, более разочарования» (1, 53). Определенный скепсис, действительно имевший место у Герцена в это время, был выражением того, что, «не зная, как продолжить дело декабристов в мрачную эпоху 30-х годов...»<sup>114</sup>, он начинает недоверчиво относиться (особенно после драмы 1830 г.) к завещанным ими методам борьбы.

Движение Герцена к социализму означало огромный шаг вперед по сравнению с мировоззрением декабристов. Однако их идеалы беззаветной борьбы с самодержавием и крепостничеством, страстный протест против насилия и гнета над личностью сохранились как ближайшая цель борьбы, соединены с завоеванным новым»<sup>115</sup>. Герцен не оставляет идеи борьбы с деспотизмом русского самодержавия, но «многие принципы декабристов им углубляются и обогащаются соответственно его пониманию современной обстановки и исторических перспектив»<sup>116</sup>.

<sup>113</sup> Н. П. Огарев. Указ. соч., т. 2, стр. 416

<sup>114</sup> Н. Н. Золотова Указ. соч., стр. 234. Л. Пипер писал даже: «Сенсимонизм дошел до Герцена и его друга, когда они были на перепутьи или даже на бездорожье» (стр. 48).

<sup>115</sup> М. В. Нечкина. Революционный путь А. И. Герцена. В сб.: «Учителю о Герцене» М., 1963, стр. 9 Разрядка автора.— А. В.

<sup>116</sup> А. Л. Дымшиц, стр. 154.

«Политическое осмысление опыта 14 декабря... не могло не привести к известной ревизии установочных положений идеологов дворянской революции, к пессимистической оценке их стратегии и тактики вообще и на новом историческом этапе в особенности»<sup>117</sup>. Эти слова Ю. Г. Оксмана, сказанные о Белинском, вполне справедливы и при характеристике отношения к декабризму Герцена. Дело обстояло не так просто, что, поскольку «идея революции, бывшая основой его мировоззрения, не оправдала себя»<sup>118</sup>, он отбрасывал ее и заменял идеей социализма. Точнее будет сказать о стремлении Герцена, хотя и весьма недостаточно выявившемся, понять идею революции и идею социализма в единстве, как одну идею — идею коренного социального преобразования.

Оставаясь верным наследником декабристских идеалов гражданской свободы, Герцен, по всей видимости, теперь уже недоверчиво, а может быть и отрицательно, относится к их заговорщицкому способу борьбы. Мы знаем, что определенные сомнения в универсальности политических форм борьбы, примененных декабристами, были уже у П. И. Пестеля. Его, как и других декабристов, смущала бедность стоявших за ними сил. В ноябре 1825 г. Пестель склонялся к трагическому решению: явиться царю с повинной и убедить его даровать России те уложения и права, каких декабристы собирались добиваться насильственными средствами. Приступы подобного настроения испытывали и А. Бестужев и Рылеев. «В 1824 году Сергею Муравьеву-Апостолу писал его брат Михаил о ненадежности военного переворота: «Возможно ли привести в движение такими машинами столь великую инертную массу? Наш образ действий, по моему мнению, порожден полным ослеплением»<sup>119</sup>. П. Каховский в показаниях указывал на «слабые наши средства»; в этом, по его мнению, и была одна из причин того, что выступление приобрело «вид безумия»<sup>120</sup>. Примерно та же мысль заключалась в поданной М. Ф. Орловым записке, предназначенной для царя. «...К несчастью, их (т. е. восставших.— А. В.) обстоятельства созрели прежде их замысла, и вот отчего они пропали», — писал М. Ф. Орлов<sup>121</sup>. Такого же рода сомнения, только в гораздо более резкой форме, проявились в напи-

санных уже после восстания работах и письмах И. Д. Якушкина, М. С. Лунина, П. Я. Чаадаева<sup>122</sup>.

Подобного рода сомнения во всеисцеляющем характере и правильности применявшихся декабристами форм борьбы зарождаются, по-видимому, к началу 30-х годов и у Герцена. Подытоживая отношение Герцена к проблеме революции, Б. П. Козьмин писал, что «...революционная мысль Герцена сделала большой шаг вперед по сравнению с его предшественниками — декабристами. В отличие от них Герцен не верил в военные заговоры, в пронунциаменто, в революции, совершаемые инициативным меньшинством в целях благодетельствования инертного и апатичного большинства»<sup>123</sup>. Начало этого переосмысления опыта декабристов падает скорее всего на 30-е годы. По способу выражения это был процесс пересмотра прежнего преклонения перед «терроризмом 93 года», пересмотра безусловно восторженного отношения к Великой французской революции, ибо дело декабристов рассматривалось Герценом и Огаревым как явление, органически связанное и продолжающее эту революцию.

А. В. Луначарский очень чутко подметил взаимосвязь между отвержением Герценом политического либерализма, критикой Великой французской революции и обращением к социализму. Он писал: «Университетское время Герцена было временем могучего кипения чувств и мыслей. Уже в это время он перешагнул через то политическое свободомыслие, которое явилось отражением либерального движения послереволюционной эпохи, перешагнул и через чистый якобинизм, восторженно приветствуя прекрасное, как заря, учение Сен-Симона»<sup>124</sup>.

Каким же был характер взглядов Герцена на революцию в этот период? Нам представляется, что, несмотря на всю противоречивость и неопределенность социально-политических взглядов Герцена той поры, в общем и целом в своем отношении к революции он следовал Сен-Симону. «Политическая активизация» сенсимонизма совершается Герценом несколько позже.

Рассматривая свою систему как средство предотвратить нарастание новых революций, Сен-Симон при всем своем отрицательном отношении к перевороту 1789—1793 гг. как явлению, по его мнению, разрушительному, оправдывал его необходимость. Революционный взрыв в конце XVIII в. был, по его словам, вполне правомерен и естествен, ибо положение, в

<sup>117</sup> Ю. Г. Оксман. Белинский и политические традиции декабристов. В сб.: «Декабристы в Москве». М., 1963, стр. 206.

<sup>118</sup> Е. Кирпичева, Указ соч., стр. 68.

<sup>119</sup> Н. Пиксанов. К социальному генезису литературного направления. Становление реализма в творчестве Пушкина и Грибоедова «Русская литература», 1963, № 2, стр. 41.

<sup>120</sup> Н. Пиксанов. Дворянская реакция., стр. 190

<sup>121</sup> Цит по кн.: Л. Я. Павлова. Декабрист М. Ф. Орлов. М., 1964, стр. 120.

<sup>122</sup> См. С. Б. Окунь. Декабрист М. С. Лунин Л., 1962, стр. 190—192, 228—229; Л. А. Филиппов. Религиозная утопия П. Я. Чаадаева и современные теологи. «История СССР», 1961, № 6, стр. 188.

<sup>123</sup> Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961, стр. 579—580

<sup>124</sup> А. В. Луначарский. Александр Иванович Герцен. В сб.: «А. И. Герцен в русской критике», стр. 262

котором находилось общество, требовало радикальных перемен. «Если же французский народ шумно восстает в 1789 г.— причина этому заключалась в том, что у него не было никакого законного средства заставить признать его требования, никакого правильного способа высказать свое мнение относительно желательных для него реформ, относительно обновления учреждений, признаваемого им необходимым».

Если французы провозгласили права человека, причина этому та, что умы их давно уже отвыкли от прав гражданина...»<sup>125</sup>.

Более того. Свое собственное дело Сен-Симон рассматривал как продолжение Французской революции. Он был уверен, что «приблизился момент, когда произойдет всеобщая революция, революция, свойственная всем цивилизованным народам, в какой бы части земного шара они ни жили».

Правительства не будут больше управлять людьми, их обязанность ограничится лишь устранением всего того, что мешает полезным работам»<sup>126</sup>.

Однако истинное осуществление лозунга «все люди — братья» противоречит, по Сен-Симону, насильственным способам общественных преобразований. «Моей ближайшей заботой,— писал Сен-Симон,— было и должно было быть принятие мер предосторожности, необходимых для того, чтобы обнаружение нового учения не побудило бедный класс к актам насилия против богатых и правительства»<sup>127</sup>.

Подобным образом и Герцен указывает как на односторонне-разрушительный характер революции конца XVIII в., так и на ее историческую закономерность и правомерность.

Еще до знакомства с сен-симонизмом, сразу же после революции 1830 г., он самостоятельно задумывается о значении Великой революции. Ее продолжательница, июльская революция, шла под теми же лозунгами, а каковы ее результаты?!

В июле 1833 г. Герцен пишет Огареву: «Мы чувствуем (я тебе писал это года два тому назад и писал оригинально), что мир ждет обновления, что революция 89 года ломала —

и только, но надобно создать новое, палингенезическое время...» (21,20). Месяц спустя в письме к тому же Огареву Герцен вновь обращается к характеристике французской революции: французский народ, сделавшийся «участником разврата XVIII столетия» «годился разрушать, но им ли начинать новое, огромное здание обновления?» (21, 26). Вместе с тем, Герцен полемизирует с одним из авторов, который проглядел в 1793 г. «все полезное» (1, 28). Сам придерживаясь той мысли, что «французская революция не есть нормальная форма существования общества» (1, 27), Герцен полагает, однако, что она явилась естественным результатом западной истории. «...Кто бы велел Франции восстать всеми силами, пролить реки крови, ежели не болезнь ее политического тела, которое было не в уровень с веком, с идеями» (1, 27). В работе «О месте человека в природе», в духе сенсимонизма определяя якобинскую диктатуру как «темный кровавый терроризм», Герцен одновременно скептически оценивает возможность того, чтобы «человек держал всегда середины». Главную пользу революции Герцен видит в том, что из произведенных ею развалин «возник новый человек, стяхнул с себя пыль и, благодаря предшественников, начал новое здание» (1, 25).

Итак, Герцен и отвергает и «проповедует» революцию, отстаивает ее закономерность и полезность. Но это отнюдь не означает, что он выступает в это время как революционный социалист, как сторонник революционного способа установления социализма. Подобно сенсимонистам и фурьеристам, Герцен отрицает созидательное значение революционного насильственного переворота. В дошедших до нас работах Герцена и Огарева 30-х годов нет ничего, что свидетельствовало бы об их положительном отношении к революционному насилию.

Даже в «Вильяме Пене» (1839), в произведении, где, по словам самого Герцена, «остаток религиозного воззрения» «перерабатывается» в революцию и социализм, революционное насилие осуждается вполне недвусмысленно. Герой поэмы провозглашает:

«... От бога все...  
И потому, что власти все от бога,  
Мы не пойдем с оружием против них,  
Мы реки крови не польем, как Лютер,—  
Богоотступным этот путь считаем мы» (1,232).

Выход Пен видит в создании из сторонников действительного, неискаженного христианства «общины братства и любви», которую ни костром, ни цепью, ни тюрьмой убить будет невозможно: «Зане и эта власть от бога» (1, 238).

Говорить, что уже в 30-х годах Герцен и Огарев «соединили... утопический социализм с революционной борьбой», что это

<sup>125</sup> А. Сен - Симон. Собр. соч., М.—П., 1923, стр. 190.

<sup>126</sup> Там же, стр. 195.

<sup>127</sup> Там же, стр. 245. Отметим, что и Фурье, аналогичным образом отвергавший Великую революцию, полагал, что будущие социальные преобразования будут по своему характеру революционны «...Цель моя — не улучшить строй цивилизации, а уничтожить его...», — писал он. Однако «революция, терзающие государства», — это, по Фурье, порок, характерный для строя цивилизации. «Революция следуют, все возрастая; все больше и больше видно, как они назревают вдали, при отсутствии какого-либо средства избежать их...». «Успех Французской революции побуждает к новым революциям... Да, нынешнее затишье — это лишь революционный антракт; это — мгновенный отдых Везувия... Да, сосуд Пандоры открыт над нашим несчастным поколением». И Фурье призывал осуществить его систему, уничтожить строй цивилизации мирным путем, чтоб предотвратить новое извержение Везувия (Ш. Фурье. Избранные произведения, т. I, стр. 375; т. II, стр. 17—18, 115).

соединение «было русским вариантом утопического социализма... новым и в истории утопического социализма»<sup>128</sup>, что Герцен и Огарев уже тогда «склонялись к признанию революционных средств борьбы»<sup>129</sup>, — говорить так по меньшей мере неосторожно. Это значит, во-первых, зачеркивать существовавшую уже с XVIII в. на Западе традицию революционного социализма, представленную прежде всего бабувистами. Это значит, во-вторых, игнорировать тот совершенно бесспорный факт, что в дни июльской революции сенсимонисты не только приняли участие в боях, но и в выпущенной прокламации дали трактовку революции как возможного средства социального переворота. В письме Анфантена провинциальным сенсимонистам, опубликованном 1 августа 1830 г., также допускалась возможность использовать политическую революцию для целей осуществления сенсимонистского идеала<sup>130</sup>. Даже если Герцен в 30-е годы и допускал политическую революцию как возможный, хотя и нежелательный путь к социализму, — это еще несколько не делает его основоположником нового типа, варианта утопического социализма.

У Сенсимонизм, между прочим, еще и потому увлек Герцена, что, указав на ограниченность либерализма и необходимость нового, социального переворота, вместе с тем планировал введение нового общества без участия народных масс. Создатели сенсимонизма боялись народных движений, в России же народных движений в то время попросту не было. И там, и здесь, и сенсимонисты, и их русские ученики — Герцен и Огарев — мыслили произвести новую «революцию» без участия народа, посредством деятельности «развивателей». Перспектива такой деятельности не могла не импонировать Герцену: она была созвучна и его романтическим мечтам о собственном выдающемся будущем.

Если говорить о 30-х годах в целом, то нельзя не признать следующего, только внешне выглядевшего парадоксальным, факта: революционное дело выступает для Герцена и Огарева прежде всего как слово, проповедь, подвижничество, пример. Друзья в общем не верят в инициативу народа, в его способность к активной политической деятельности.

В одном из писем, вступая в спор о роли дворянства в русском обществе, Огарев предлагает своим друзьям: «Снимите ваш фрак, наденьте серый кафтан, вмешайтесь в толпу, страдайте с нею, пробудите в ней сочувствие, возвысьте ее; ее возвышение будет глас трубный!..»<sup>131</sup>. Но здесь же, чуть ниже, Огарев

высказывает глубокое сомнение в результативности даже такого радикального действия.

У Отсутствие исторической инициативы в народе, объясняемое, по мнению Герцена, прежде всего «недостатком просвещения», фиксировалось и в следующих его словах (1836): «В гражданском обществе (*dans le fait social*) прогрессивное начало есть правительство, а не народ. Правительство есть формула движения (*du progrès*), выражение идеи общества, форма его историческая, факт непреложный. Нигде правительство не становилось настолько перед народом, как в России; может от этого оно не всегда было исторически справедливо, не всегда последовательно» (1, 320)<sup>132</sup>.

### «Величайший предмет нашего времени»

Может показаться, что переход Герцена и Огарева к социализму означал попятное движение в их идейно-политическом развитии: революционное умонастроение сменяется неопределенными надеждами, мечтаниями о золотом веке, фразами о просвещении... На самом же деле, увлечение сенсимонизмом положило начало качественно новому периоду в духовной жизни молодых людей, оказавшемуся чрезвычайно плодотворным как раз в идейно-политическом отношении. Это случилось потому, что из сенсимонизма был усвоен ряд важнейших идей, выродившихся из тупика, в который неизбежно попадала мысль ограниченная рамками декабристской доктрины.

Знакомство с сенсимонизмом не могло не вести Герцена к пересмотру всех положений прежнего мировоззрения. Дело обстоит не так просто, что Герцен только «приурочивал» какие-то отдельные идеи из сенсимонизма к своим прежним взглядам — отвлеченно-философским, «шиллеровским» или «шеллингянским», как это изображали некоторые буржуазные авторы, — революционно-декабристским, как говорится иногда в нашей литературе. Нет, все было иначе: только те идеи из прежних сохранились в мировоззрении Герцена, которые выдержали столкновение с новым теоретическим комплексом. Некоторые же составные элементы юношеского мировоззрения должны были уступить место ведущим принципам сенсимонизма.

Важнейший момент сенсимонизма, воспринятый Герценом в свою философско-историческую концепцию, — идея общественного детерминизма.

По существу с сенсимонистской концепцией философии истории Герцена столкнула уже необходимость пересмотреть отношение к революции 1789—1793 гг. Идея чередования «разруши-

<sup>128</sup> М. В. Нечкина. Революционный путь А. И. Герцена, стр. 10

<sup>129</sup> М. В. Яковлев. Указ соч., стр. 24

<sup>130</sup> См. В. П. Волгин. Социальное учение раннего сенсимонизма В кч.: «Изложение учения Сен-Симона». М., 1961, стр. 64—66.

<sup>131</sup> Н. П. Огарев. Указ соч., т. 2, стр. 285

<sup>132</sup> См. об этом также «Известия АН СССР Отделение литературы и языка», 1956, вып. 2, стр. 169—170.

тельных» и «творческих» эпох в процессе движения общества к палингенезическому времени явственно прослеживалось по письмам и наброскам Герцена начала 30-х годов. Резюмируя свое отношение к сенсимонизму, Герцен заявил в 1834 г. следственной комиссии: «Теория Сен-Симона, читанная мною в журналах и разных отрывках, мне нравилась в некоторых частях, особенно в историческом смысле. Я видел в нем дальнейшее развитие учения о совершенствовании рода человеческого... Главное положение Сен-Симона,— что за разрушением следует создание; мне приходили эти мысли и прежде, ибо я не мог представить, чтоб человек жил токмо разрушая...» (21, 422). Естественно, что заинтересовавшись идеей общественного прогресса, Герцен не мог не обратить внимания и на лежавшее в основе этой идеи представление о детерминистском характере истории.

Ее разработка была большим теоретическим достижением Сен-Симона. Можно даже сказать, что эта идея в значительной степени отличала его от многих других социалистов. Тенденция объяснить будущее, опираясь на прошлое и настоящее, очень сильна в системе его взглядов. Другое дело, что и Сен-Симону также не удалось связать планы осуществления идеала будущего с теми общими закономерностями истории, которые он нащупывал.

В попытках обосновать концепцию поступательного развития человечества к лучшему будущему Сен-Симон бился над созданием новой науки о человеке — «политики». «История, действительно, в научном отношении еще не вышла из детских пеленок», — писал он. Стремясь сделать из размышлений о судьбе человечества — политики, истории — действительную, строгую науку, желая «лишь облегчить и осветить естественный ход вещей», Сен-Симон видел ключ к решению задачи, с одной стороны, в обращении внимания на политическую экономию, которая «является единственным основанием политики», а с другой, — в применении к рассуждениям об обществе методов, употребляющихся в естествознании. Он склонялся к мнению, что общество подвержено действию такого же рода закономерностей, что и природа; отсюда он заключал, что наука об обществе также должна быть обоснована наблюдениями, взятыми из естествознания. «Прогресс человеческого ума дошел до того, что наиболее важные рассуждения о политике могут и должны быть непосредственно выведены из познаний, приобретенных в высших науках и в области физики». Сближая открытый при рассмотрении общественных явлений принцип истории со все более прочно утверждавшейся в естествознании идеей эволюции, Сен-Симон пытался посредством этого доказать, что как в естественной, так и в человеческой истории, подчиняющейся объективным закономерностям развития, существует прогресс.

Поскольку, по Сен-Симону, «способность совершенствоваться присуща вообще всем животным», а «природа человека ничем не отличается от природы других животных», постольку человечество только еще идет к своему подлинному бытию. Это бытие есть результат всей предшествовавшей истории человечества. «Будущее,— писал Сен-Симон,— слагается из последних членов ряда, в котором первые члены составляют прошлое; таким образом, изучение хода человеческого разума в прошлом откроет нам путь, по которому он пойдет в будущем»<sup>133</sup>. «Для сенсимонистов, как и для их учителя, общественный идеал не есть нечто раз навсегда данное, нечто, вытекающее логически из каких-либо априорных посылок. То будущее, которое они возвещают, есть для них неизбежный результат закономерного исторического процесса, связывающего прошлое с будущим, как причину и следствие. Философия истории является, таким образом, основанием всей системы сенсимонистов...»<sup>134</sup>.

В работах некоторых советских авторов<sup>135</sup> правильно отмечалось, что философско-исторические идеи сенсимонизма не могли не привлечь внимания Герцена. И не только потому, что он вообще интересовался вопросами философии истории, а потому прежде всего, что, переосмысливая уроки декабризма, его мысль не могла не столкнуться с проблемой объективности исторического процесса. Волюнтаризм, «абстрактный героизм» декабристов, выразившийся в их мужественном, но обреченном на неудачу выступлении<sup>136</sup>, составлял предмет живого обсуждения русской общественной мысли конца 20—40-х годов. Едва ли не первый на него обратил внимание А. С. Пушкин<sup>137</sup>. Стоит вспомнить также некоторые рассуждения М. Лунина, попытки П. Я. Чаадаева дать «ясное представление о всеобщем законе, управляющем сменой эпох»<sup>138</sup>, некоторые мысли из «Русских ночей» В. Ф. Одоевского о необходимости превращения истории в подлинную науку<sup>139</sup>. Наконец, известно, что в конце 30-х

<sup>131</sup> А. Сен-Симон Собр. соч., стр. 43, 194, 203, 79—80, 31, 151, 231, 150.

<sup>134</sup> В. П. Волгин. Социальное учение раннего сенсимонизма. В кн.: «Изложение учения Сен-Симона». М., 1961, стр. 21

<sup>135</sup> Л. Пипер Указ соч., стр. 52; Д. Чесноков. Указ соч.; Л. Гинзбург. Указ соч., стр. 21—22; М. Ф. Решетникова. А. И. Герцен как социалист и критик капитализма. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та», т. 87, 1960, стр. 15.

<sup>136</sup> Хотя, некоторые из декабристов в своих теоретических размышлениях и подходили к идее о причинно-обусловленном, законосообразном развитии общества: «Мир нравственный, подобно естественному, должен иметь свои законы», — писал, например, Н. И. Кутузов в 1820 г. (См. С. С. Волк. Указ соч., стр. 81—83, 121—122).

<sup>137</sup> См., в частности «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833—1835).

<sup>138</sup> «Литературное наследство», т. 22—24, стр. 44, 62; ср. Л. А. Филиппов. Указ соч., стр. 192—198.

<sup>139</sup> В. Ф. Одоевский Соч., ч. I, стр. 370.



годов молодые Белинский и Бакунин упрекали политических революционеров, «фантазеров», как раз в волюнтаризме и романтизме, в бессмысленной «анархии умов», порожденной «разъединением Я с действительностью»<sup>140</sup>. Так что обращение Герцена к идее детерминистского развития общества, с помощью которой он мог хоть как-то понять неизбежность поражения декабристов и найти теоретическую основу для поисков новой теории освободительного движения, было вполне закономерным.

Целый ряд работ и писем Герцена 30-х годов содержит суждения об объективном характере общественного развития. Но в особенности отчетливо эта идея проводится во фрагменте «Развитие человечества...» (1833): «Развитие человечества, как и одного человека, подвержено некоторым законам, положительным, непреложным, необходимым. Произволу места нет, и сколь <ни> неогнетаема и <ни> свободна воля индивидуального человека, она теряется в общем направлении океана всего человечества... Хотя воля человечества не закована в законы математические, однакож мудрено допустить здесь произвол, замечая гармоническое развитие человечества, в котором всякая индивидуальная воля, кажется, поглощается общим движением...» (1, 26).

«...Человечество развивается по своей мировой логике, в которой нельзя перескочить через термин в угоду индивидуальной воле...» (1, 276), — утверждает Герцен через несколько лет.

Очень примечательно и письмо Герцена Огареву (1833), в котором он дает очерк мировой истории в полном соответствии с учением Сен-Симона (21, 23). Об этом письме В. П. Волгин говорил, что оно дает, по-видимому, «наиболее точное отражение» герценовского социализма 30-х годов<sup>141</sup>. Идея трех ступеней общественного процесса пронизывает данный здесь философско-исторический набросок Герцена. В соответствии с этим эскизом Герцен и в дальнейшем рассматривал историю человечества как прошедшую три главные фазы, ступени развития.

Идея общественного детерминизма глубоко импонировала и Огареву. Он также стремился к философско-историческому обоснованию своего идеала. «Философия истории», — такова главная тема его научных занятий в 1833 г. «Философия истории — это величайший предмет нашего времени», — пишет он Герцену 30 июля 1833 г. «...Из общих начал моей философии истории должен я вывести план ассоциации», — говорит он здесь же<sup>142</sup>.

<sup>140</sup> См. М. А. Бакунин. Гимназические речи Гегеля. Предисловие переводчика. В кн.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, 1901, приложения, стр. 488. См. также М. Поляков. Виссарион Белинский. М., 1960 (глава седьмая «На распутье»).

<sup>141</sup> См. В. П. Волгин. Социализм Герцена, стр. 47.

<sup>142</sup> Н. П. Огарев. Указ. соч., т. 2, стр. 263, 265, 266.

Идея философии истории как основы социалистического идеала нашла отражение и в переписке других членов кружка Герцена. Историк должен быть и пророком. Такую мысль приводит Лахтин в одном из своих писем Огареву<sup>143</sup>.

Положение об истории как объективном процессе определяло одну из ведущих задач замышлявшегося друзьями в 1834 г. журнала: «Следить за человечеством в главнейших фазах его развития. Для сего возвращаться иногда к былому, объяснить некоторые мгновения дивной биографии рода человеческого и из нее вывести свое собственное положение, обратить внимание на свои надежды» (1, 59).

Как и в сенсимонизме, идея детерминизма соприкасалась в воззрениях Герцена и Огарева с идеей об активном участии человека в общественно-историческом процессе. Принятие ими концепции детерминированности истории не означало перехода на фаталистическую позицию. Центральная проблема, над которой бьется в это время их мысль, — сочетание объективного и субъективного, хода действительности и индивидуального действия.

Правильно наметить контуры решения этой проблемы Герцену помогает знакомство с работами историков романтической школы эпохи Реставрации — Гизо, Тьерри, Мишле. От них Герцен перенимает идею о противоречивом характере общественного развития, которой не был чужд, впрочем, и Сен-Симон. Герцен не только ссылается на историков реставрации (в статье «Гофман» он называет Тьерри великим историком) (1, 58). Он формулирует следующее положение: борьба, «закон противоположения» — естественное явление для общества: «...Человечество и должно находиться в борьбе, доколе оно не разовьется, не будет жить полною жизнью, не войдет в фазу человеческую, не фазу гармонии» (1, 31), т. е. фазу социализма.

### Общие выводы

Мы не ставили задачу осветить в данной статье все стороны проблемы возникновения социалистической мысли в России. За пределами нашего рассмотрения остались следующие важные аспекты темы: отношение Герцена к религиозным элементам системы сенсимонизма, истолкование в его творчестве 30-х годов идей реабилитации плоти и освобождения женщины, характер влияния на русскую мысль 30-х годов экономического учения, эстетической платформы и других составных частей сенсимонистской доктрины. Осталась невыясненной и степень воздействия идей утопического социализма на других участников

<sup>143</sup> «Литературное наследство», т. 63, стр. 294.

кружка Герцена (Н М Сатина, Н И Сазонова и др ), а также на таких мыслителей, как В С Печерин, В П Боткин и др , которые также испытали это воздействие Не прослежены те тенденции, которые были ведущими в развитии социалистических взглядов Герцена и Огарева от начала 30-х годов к 40 м

Сознательно или по недосмотку фактических материалов, оставляя в стороне эти и некоторые другие аспекты проблемы, мы стремились подчеркнуть главным образом следующие две взаимосвязанные мысли

*1 Обращение русской освободительной мысли к социализму явилось началом преодоления того глубокого кризиса в котором она находилась после поражения восстания декабристов и июльской революции 1830 года*

*2 Начиная с 30-х годов важнейшим элементом теоретической основы для поисков нового политического учения становится, благодаря сенсимонизму идея общественной закономерности*

Тематически связанные ссылки:

**Революционеры и либералы России / Сб. науч.статей к 100-летию Б.П.Козьмина**

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80110457.htm>

**И.Пантин, Е.Плимак, В.Хорос. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг.**

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p140487680.htm>

**О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: перв. половина XIX в.**

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p48143253.htm>

**Великая французская революция и русская литература / Сб. статей**

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p68490613.htm>

**М.Покровский. Очерки русского революционного движения XIX - нач. XX вв.**

**Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б.) зимою 1923-24 г.**

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72402016.htm>

**ГЕРЦЕН Александр Иванович**

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#gertz>